

Иван ~~Vegetarian~~ ~~Maia~~ Вологдин

16+

ВЕДУН ПОНЕВОЛЕ

Сказ о человеке ведающем

в суровую пору татаро-монгольского ига

Иван Вологдин
Ведун поневоле

«Автор»

2018

Вологдин И. V.

Ведун поневоле / И. V. Вологдин — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-11333-6

Перед вами повесть, рассказывающая о жизни очень талантливого ведуна по имени Гамаюн, жившего в тот момент, когда на территорию раздробленной Руси вторглись многочисленные татаро-монгольские Орды, в первой половине XIII века. Реальные исторические персонажи легендарной эпохи (Коловрат; Невский; Бату-хан и прочие). Фольклорная нежить, видимая только «ведающим людям». Реальные и выдуманные битвы, на полях которых побывает ведун. Для оформления обложки использованы бесплатные обои для рабочего стола с сайта wallpapertag

ISBN 978-5-532-11333-6

© Вологдин И. V., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Война Орден. Время Орды	5
Пролог: Повесть временных лет	5
Глава 1. Становление ведуна	8
Глава 2. Первые заговоры	14
Глава 3. Правило воина	21
Глава 4. Начало нашествия	26
Глава 5. Из огня да в полымя	32
Глава 6. Воевода Небесного отряда	37
Глава 7. Смерть отца	41
Глава 8. Штурм Рязани	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Война Орденов. Время Орды

Часть первая. Отрочество и юность

Пролог: Повесть временных лет

«Уважаемые читатели! Я вынужден начать данную повесть с того, что призываю вас лояльно относиться к реальным и нереальным фактам, описанным в оной.

Писать историческую повесть с реальными персонажами, местами, событиями и городами, используя язык, стилизованный под особенности языка XIII века, через который проходит фэнтезийный, выдуманный главный герой – дело очень и очень не простое, что вызывало множество прений еще при сотворении проекта.

Я не оспариваю основную, ортодоксальную науку о минувших веках, лишь дополняю её вымышленными событиями и деяниями, никак не изменяя стандартный ход, прописанный в любом учебнике. Однако спешу показать, что за всё время существования нашей Родины, параллельно с ней существовал фольклорный мир, полный невидимых духов, нежити и мест силы, с которыми столкнется главный персонаж.

У этой книги есть и иные, более глубокие цели, которые, по всей видимости, выльются в целый цикл произведений и приведут к конечной точке повествования – серии книг «На краю Бытия», две книги из трех, в которой уже завершены к моменту написания этой повести.

Первая вышеупомянутая цель – мягко популяризировать как историю России, так и её богатую, самобытную культуру, проявляющую себя в сказках, легендах и сказаниях, ибо незнание истории непременно ведет к повторению самых темных её периодов.

Вторая – создать новый жанр, который я условно называю «дополненная реальность», ибо развит он слабо или не развит вообще.

С уважением, ваш достопочтенный слуга, автор сей повести»

История, которую я хочу поведать в своем многостраничном послании вам, дорогие потомки, началась в земле Рязанской, в черный для Руси XIII век, когда с огнем, стрелами и кривою саблей, грозный, невиданный доселе враг ринулся покорять наши разрозненные княжества из необъятных просторов восточных степей.

В 1237 году, оглашая замерзшие, дремучие леса ржанием сотен тысяч лошадей, с боевыми криками, исходящими из полумиллиона глоток, продолжатели дела грозного «Потрясателя Вселенной» – родоначальника многоликой империи монголов, Чингиз-хана вошли под предводительством его внука Бату в мое Отечество, предвосхищая эру невиданных лишений и испытаний.

Орда (а именно так называла себя разномастная масса воинов, пришедшая с Востока) направила свое стремительное наступление через разобъённую Русь к «Последнему морю», намереваясь омыть копыта священного для монголов, белоснежного коня бога войны Сульде в водах самого края известной земли.

Свирепые, неприхотливые воины, верные заветам предков, поставили ко времени начала моего повествования на колени и царство Хорезм и обширные земли Китая, породив на свет явление всеобщего рабства, которое по сей день тревожит мою землю, вынуждая выплачивать дань поколениям иноплеменных захватчиков.

Но, следует отметить, что ни смотря на наше видимое смирение, да будет вам известно, дорогие потомки, что в вынужденном, видимом рабстве всегда неустанно, денно и ночью, про-

ходила тайная борьба и медленное накопление сил для освобождения славянского рода от гнета могучего противника.

Данной повестью я хочу поставить жирную точку в своих делах. Многие лета я, не ведая усталости, подготавливал на просторах Руси организацию равную тайным орденам и сообществам видимого мира. Видит Бог – мне это удалось лишь отчасти.

Однако все равно лавры первооткрывателя – творца удивительной силы нашего Ордена, навсегда будут и в посмертии создавать вокруг моей личности ореол величия и тайны. Чтобы избежать в грядущем излишнего подобоострастия к моей натуре я и решил выложиться без остатка, рассказав о своем Бытии с максимальной отрешенностью, без излишней эмоциональности признавая не только взлеты, но и падения, которые всегда неизбежны на неизведанном пути.

К излету восьмидесятого года жизни, с удовольствием признаю, что наш молодой Орден Алого Солнца есть удивительное сочетание самых разных верований, знаний, учений и взглядов на природу Вселенной. Маскируясь под монастырь, выкованная в горниле сотен битв, наша тайная, магическая организация ныне, вопреки всему держит курс на укрепление русских княжеств, на объединение их в единый организм, для окончательного свержения власти Орды.

Увы... не бывает побед без жертв и множество славных воинов пало в сей день, среди которых упокоились навеки и несколько десятков верных послушников. Да будет сполна воздано им на том свете по их верованиям!

По завершению этой славной компании, я, Гамаюн Самослав, сын варяга Ульва Самослава, как руководитель Ордена, по уговору с соратниками, передаю свою силу старшему сыну Владимиру Самославу, согласно природному закону обновления жизни на земле.

Я и впредь, принуждаю его, коли почувствуется старческая слабость и сонливость в могучем теле ведающего человека, не временить с уходом, а освободить себя от бремени в угоду следующим сыновьям, воспитанным в патриотизме и любви к Родине.

Также, обязуюсь и обязую свою роду впредь снабжать сына или дочь (за неимением семени мужского пола), сопроводительной повестью моей и своей, дабы знали продолжатели дела отцов, сколько трудов и крови потребовалось нам, чтобы будущее солнце победы воспылало над грозowymi тучами бедственных времен.

Я верю, что мои люди сохранят текст, через поколения, как величайшую реликвию, пронеся мое первое послание сквозь грядущую тьму веков. Куда бы ни вела их дорога, как бы не манила чужбина, какие бы трудности не преграждали им путь, все едино – рано или поздно нога истинного последователя Алого Ордена коснется земли освобожденного Отечества, делая наши совокупные воспоминания многих поколений рода достоянием новейшей истории Руси. Посему завещаю беречь оные книги пуще живота своего и ознакамливать с ними самых достойных.

Ты же, мой сын Владимир, прочтя эту рукопись, помни, что цвет алого рассвета среди грозowych туч выбран нами не случайно – он служит объединяющим началом нашего братства, напоминанием о морях крови, пролитых за успехи сегодняшнего дня.

Заклинаю – да будут алые полотнища с изображением разящего, горделивого черного сокола и впредь напоминать грядущим поколениям, что именно мы подняли стяг сопротивления в тот момент, когда только северный Новгород сохранил не взятыми свои древние стены, а избранная птица связывать наше настоящее с символикой основателей Русской земли.

Получив, по воле случайного стечения обстоятельств и собственной оплошности, во владение необычайно долгую жизнь, силу и ясность ума, прожив ее достойно, по праву кровного наследования вверяю дальнейшее руководство Орденом тебе, мой старший, дорогой сын, не смотря на то, что во взаимоотношениях наших давно чувствуется настоящий, зимний холод.

Я прекрасно понимаю, почему ты не спешил рассказывать родному, вечно занятому и отсутствующему отцу о своих приключениях. Почему не торопился делиться со мной в корот-

ких встречах трудностями и переживаниями от преодоленных препятствий, особенно после трагической смерти любимой матери, знаменитой половецкой княжны – Кончаковны, вызволенной мною из татарского плена и крещенной под именем Сияны, но хочу верить, что в глубине души ты простишь меня за детство, проведенное из необходимости, в смиренном учении и тренировке.

Сила, вошедшая в тебя посредством особого, опасного и болезненного кинжального обряда, уникальна и не является порождением рода человеческого (или гиперборейского, как прозвали нас предки – атланты), а есть сила и наработки таких древних времен, что на данный момент сказанное будет казаться несуществующей сказкой.

Владимир! С каждым днем, постепенно избавляясь от бремени великой ответственности, чувствую, как ослабевает физическое тело, а груз шести десятков лет каждым утром неумолимо наваливается на плечи, придавливая к земле каменной тяжестью затхлого саркофага, но с удовольствием наблюдаю, преодолевая постыдную слабость, из окна кельи, за твоими успехами в ратном и магическом деле.

Я понимаю, что уже не получу возможности триумфально осмотреть завершеного, готового, нового Воеводу Ордена, пожать своей слабнувшей дланью стальную длань горделивого предводителя, равного великим князьям, испытывая трепетную гордость за твои успехи.

Но помни, Владимир и помните потомки рода Самославов, что я лично, сила Рода и все предки ваши, в трудный час всегда сойдутся за спиной, чтобы оборонить от смертельной беды. Нужно только раскрыть сердце и душу для их визита и искренне верить в необычайное!

Не смотря на маску холода, нацепленную на лицо при наших встречах, хочу верить, что в глубине души, ты ведал, как горячо мое сердце радуется за тебя, радуется твоим взлетам и сокращается от падений.

Каждая твоя рана – это моя рана. Каждый твой ушиб – мой ушиб. И мне не раз приходилось, стиснув зубы, преодолевать непослушное сердце, чтобы не оскорбить жалостью твой крутой нрав.

К твоему брату Белозару и сестре Людмиле спрос был меньше, но и на роду у них было написано быть лишь помощниками в твоих свершениях, а не лидерами, коих не видывал свет!

Посему лист бумаги и гусиное перо в дрожащих руках, я избираю инструментом безмолвного, запоздалого разговора по душам, ибо пребывая в цепких лапах юношеского максимализма, ты не сможешь услышать мои слова и простить собственного отца.

Все придет, но со временем...

Не мудрствуя лукаво – начну.

Я, верно, служил своей Отчизне в разных обличьях, не раз был при смерти и бит на полях битв, имел удовольствие и неудовольствие познакомиться с уникальными личностями тяжелой эпохи и поэтому верю, что накопленный опыт, изучаемый вами в свободной тиши, поможет наметить дальнейшую политику новых, тайных защитников Отечества.

История моя тонкой нитью протянулась сквозь, практически сотню лет, охватывая великое множество моментов и событий, но отправной точкой истории Ордена Алого Солнца будет служить 1237 год, пример «Небесного Братства», возглавляемого воеводой Савелием Дикоросом и, хочется верить, посмертная воля самого Евпатия Коловрата, чей алый плащ я завещаю хранить как самую главную реликвию нашей организации.

Однако позвольте же мне отступить еще немного назад во времени и оттолкнуться в своей повести от самого начала, чтобы было понятно, как же свела меня судьба со столь мужественными представителями русской крови.

Глава 1. Становление ведуна

Я всегда хотел жить больше других. В холодную, вьюжную зиму 1221 года, за шестнадцать лет до основных событий повести, Бабка-повитуха, помогая моей матери избавиться от бремени в полночную пору, сгорбившись в три погибели в горячо протопленной бане, первой увидев меня в тусклом пламени лучины, презрительно скривила морщинистый нос, с сожалением процедив сквозь плотно сжатые зубы:

– Недоношенный какой! Хилый! Корми его, Пелагея, да у груди грей, а то не ровен час, помрет заморыш!

Могучий отец, чтивший традиции северных предков, а посему стоявший за закрытой дверью вместе с другими мужиками, облаченными в полное вооружение, оберегал мать от злых духов, которые по поверьям, могли навредить мне при появлении на свет.

Он вихрем ворвался, внутрь брэнча заиндеветшей кольчугой, едва слышал мой слабый крик. Бережно взяв в ладони худое, хлипкое тело со свежеперевязанной пуповиной, он вынес меня из бани, впервые демонстрируя звезды. И меня звездам.

Холодный воздух зимы, попав в легкие, заставил меня захлебнуться порцией плача. После теплой утробы матери внешний мир казался ледяным и неприветливым.

– Эва, какой крикливый! Не утомишь, – улыбнулся варяг из под округлого шлема, вслушиваясь в далекий вой волков, отвечавших мне, – Величать тебя отныне будут Гамаюн из рода Самославов, сынок! – укол черной бородой шепнул отец мне на ухо, пророчески предвещая долгий и трудный путь сквозь «гомон времен» – именно этот смысл несло мое имя, невольно, своим звучанием в пространстве, кодируя моё будущее:

– Защищай этот мир, – продолжил отец, – лучись добром, говори правду, будь грозой врагам Отечества и надежной опорой семье и друзьям, ибо ты есть славный плод великой любви двух народов, двух сердец, двух кровей – варяга и славянина. Ибо только эти качества характера дают силу мужчине, ведуну и воину, – дал первое наставление родитель, понимая, какую силу несут в себе первые слова.

Едва он закончил речь, как победный рев мужицких глоток и бряцанье оружия огласили округу, эхом отражаясь между стволов берез. Так, почитая древние традиции, славянский народ торжественно встречал новую жизнь, которая с таким священным трудом матери, являлась в неприветливый мир.

Разнообразные деревья, богато усыпанные снегом, легко закачали потревоженными ветвями, осыпая сугробы под собой новыми порциями шелестящих снежинок. Моя родина, моя молодая Русь приняла меня, выкупав в свете полной, колдовской луны.

Не смотря на ожидания повитухи, я не помер. Назло всему не помер! Родители выходили, влюбились, взлелеяли! Богатое, материнское молоко Пелагеи быстро вливалось в тщедушное тельце, пронизывая силой славянского рода каждую клетку варяжского естества. С каждым глотком поколения предков двух уникальных народов насыщали меня, все дальше уводя от цепких лап Богини смерти – Морены.

Следует отметить, что союз родителей – союз великой любви, наперекор разнице кровей и происхождений. Матушка моя – дочь думного боярина, голубоокая, стройная славянка с русой, толстой косой, стала душой моего отца в тот момент, когда безвестный в Рязанских краях, но знаменитый на родине, могучий, кареокий викинг в 1215 году пришел наниматься к самому Рязанскому князю в дружинники.

Не знаю, следует ли говорить тебе Владимир, но забегая далеко вперед, упомяну для потомков, что в наш век чистота чувств невольно проверялась трудностями и лишениями.

Браки высоких вельмож носили скорее деловой, союзный характер и практически не являлись чистым волеизъявлением молодоженов.

Отец многое сделал, чтобы стать достойным человеком при дворе, отвагой, службой и преданностью выбившись, за пять долгих лет в личные телохранители князя, а потом, достигнув почтенного тридцатидесятилетнего возраста, показав предельное разумение в воинских делах, умудрился получить чин воеводы.

Для мужчины тридцать два года – очень солидный срок для заключения семейного союза, но, насколько я осведомлен, печальный секрет заключался в том, что Ульв на тот момент уже пребывал в статусе вдовца. Первая жена скончалась от болезни на далеких, скандинавских берегах и отец не старался вдаваться в подробности этой истории.

За все годы совместного проживания, мне удалось лишь изведать, что любви к первой жене молодой варяг особо не испытывал, так как особо и не выбирал – его отец попросту привел в дом дочь именитого сородича, связав узами брака детей свои чисто деловые начинания.

Он уважал первую супругу, привязавшись как к надёжной спутнице жизни и было видно, что Ульв в глубине души ни в коем случае не желал бы молодой варяжке столь печальной участи, но как любил говаривать отец:

– Без зла, не было бы и добра, сынок! – только в этом, отдельно взятом случае, он поспешил разъяснить мне все более детально, чтобы раз и навсегда избежать неудобных расспросов с моей стороны, – Я не виноват в ее смерти. Виновата болезнь и мой дальний поход в Европейские страны. И ее смерть, вместе с тоской и жалостью по ее уходу, позволила многое понять – отныне, только сердце должно было решить, кто будет следующей спутницей на моем трудном пути. И оно не ошиблось, указав на Пелагею. Поэтому, из уважения к собственной матери, больше не спрашивай меня об этой части моей истории, хорошо?

Стоит ли говорить, что я, уважая волю отца, более никогда не пытался подступиться к нему с расспросами по запретной теме?

Простите мне невольное отступление от основной истории и забегание вперёд, ибо я это буду делать неоднократно, стараясь охватить как можно больше полезного, живого опыта своих современников. Заодно я искренне буду стараться увековечить на исписанных листах интереснейшие характеры и умы, а посему, для более полного их раскрытия, позвольте и дальше освещать их нетленные образы.

Итак, восстановим хронологический ток событий: казалось бы, после обретения важного чина уже ничего не могло помешать долгожданному счастью новообращенной любви варяга и дочери боярина, но нет – не угоден был христианам брак Пелагеи с иноверцем, идолопоклонником, да и разница в возрасте многим чересчур явственно бросалась глаза.

Матери на момент торжественного принятия заслуженного, почетного чина отцом шел всего двадцать первый год, что в наше время считалось чуть ли не крайней границей выхода замуж, поэтому злые языки родни, подбирая красавице засидевшейся в девках более выгодную пассиву, стали князю рязанскому шептать тайное, да козни подстраивать, против воли родительской, изрядные.

Это и вынудило гонимых и притесняемых, но не сломленных в чувстве молодых, в конечном итоге, под покровом ночи, сняться с обжитых мест и попытать счастья в дальней дороге.

Подкупив стражу ворот, а затем, скрытно скрепив свои узы браком в одном из близлежащих придорожных монастырей (для чего Ульву пришлось изобразить из себя ярого христианина и одеть православный крест) любящая пара супругов отправилась практически никуда, в надежде на лучшее место под солнцем.

Монаха, проводившего обряд венчания, удалось легко обмануть истовой молитвой, которую начитанный, умный отец исправно заучил наизусть. Впрочем, он никогда и не был противником христианской веры, а скорее внимательным наблюдателем за процессами, происхо-

дящими в православном мире, просто ему действительно ближе по духу было родноверие и языческие представления об устройстве мира, что невольно передалось по наследству и мне.

Ни смотря на первоначальное притворство, Ульв со всей серьезностью отнесся к православному обряду, после его окончания, истинно считая, что отныне его брак с Пелагеей, надлежащим образом скреплен свидетельством небес.

Этой же ночью, буквально под открытым, майским небом, на сеновале крестьянского двора я и был зачат...

Скитаясь по окраинам русской земли, родители искали место для долговременного пристанища. Как я уже и говорил, даже без татарского ига, век был беспокойный, опасный многочисленными, половецкими набегами, поэтому опытный варяг со знанием дела подходил к выбору дальнейшего места проживания.

Как говорят в народе – кто ищет, тот всегда найдет. Деревня с чудным названием Дормислова Поляна, в которой мне пришлось расти до шестнадцати лет, была окружена непроходимыми, густыми лесами, топями, да болотами. Она находилась в стороне от больших дорог, что шло на руку ее немногочисленным обитателям.

Опасностей имелось великое множество – не только отряды степных кочевников, но и лихие люди и авантюристы разных имен и племен, незваными гостями часто навещали окраину Руси. Их многочисленные отряды стремительными набегами проходили мимо Поляны, атаманы которых даже не осознавали, что за гибельными местами, чуть поодаль от основной дороги на Рязань, уже много лет не зная горя, стоят добротные избы моей малой родины.

Исключения, пусть и не часто, но встречались. Тогда врагов встречали мечи и секиры голубооких, русоволосых Рязанских мужиков, которые всем миром, собравшись по зову небольшого колокола деревенской церквушки, выпроваживали незваных гостей, но более подробно о мужестве жителей Дормисловой Поляны я расскажу чуть позже.

Излазив вдоль и поперек территорию вокруг избранной деревни, отец решил, что данное место достаточно безопасно. В кратчайшие сроки, при помощи отзывчивых до чужой нужды, местных мужиков, Ульв поставил сруб и выложил основание любой избы – белую, добротную печь, вовремя завершив труды переда первыми серьезными холодами и поспев к самому моему рождению.

Накопленного за службу запаса серебра, кун и навыков опытного охотника хватило, чтобы стерпеть первую, безурожайную пору, втридорога выторговывая у мужиков дефицитный, но так необходимый провиант.

Это уже потом, с приходом красной весны, когда сошли глубокие снега, отец постепенно выкорчевал лес, за избой выиграв пространство для первого огорода, потом и кровью оплатив новому посевному полю за его будущую плодovitость. Работа была долгая и заняла ни один год, так что и мне в отрочестве еще не раз довелось помахать топором, да пни повыжигать, отвоеывая их тела из цепкого хвата матери – земли, чтобы отбить у густой, березовой рощи метр за метром живительного чернозема.

Итак, не смотря на щедушность, мир принял меня.

Не поддавшись, вопреки увещаниям бабки – повитухи, холоду первой зимы, не поддался и второй, впрочем, тяжело проболев несколько месяцев кряду. Выстоял в третьей, неурожайной зиме, когда много молодняка в Дормисловой Поляне умерло от естественных причин из-за недоедания.

В четвертый год я едва не попал под стрелу лихих людей, из-за оплошности приспавшего дозорного, случайно обнаруживших населенный пункт, не готовый к обороне. Напоминанием об этом до последних дней остался неровный, рваный шрам на правой щеке, от шальной стрелы и моего излишнего любопытства (по недосмотру матушки, высунулся из двора на звуки разгорающейся сечи).

Ни смотря на опасности, и трудности время неумолимо текло своим чередом, с каждым сезоном подкидывая все новые вызовы и лишения, но могучий корень суровых мореплавателей севера, произрастающий внутри меня, и живительная сила славянской земли не позволили прогнуться под ударами судьбы, вытаскивая из пропастей заболеваний, голода и ранений.

Помогал и отец. Сведущий в настойках, зельях и варах, опытный ведун Ульв к любой болезни подбирал свой способ выздоровления, верно определяя ингредиенты для каждого лекарства:

– В составлении рецепта важно все, Пелагеюшка, – любил приговаривать он при готовке, успокаивая взволнованную моим новым недугом, мать, – даже вода родника. У каждого источника свой вкус. У каждого ключа свои силы. Такой распорядок Бог скандинавов, старик-Один распространил по подносу земли!

– Иисус Христос, – по привычке, горячим шепотом преисполненным верой, неизменно поправляла его мать, скорее следуя устоявшемуся семейному обычаю, чем по реальной необходимости переубедить упрямого язычника, но вредный варяг давно не обращал на подобные реплики никакого внимания, а посему невозмутимо продолжал:

– Все зависит от почв, через которые вода прорывалась наружу, от существ, охраняющих покой родника. Поэтому один вар можно собрать буквально у крыльца дома, а за другим и за тридевять земель не грешно отправится. А у Рязанцев земля сильная, богатая. Не то, что скандинавские скалы!

– Существ? – расширив зрачки, со страхом переспрашивала мужа матушка. Уж очень она любила страшные рассказы Ульва об обитателях дневных ночных лесов, считая это не более чем сказкой.

– Да, – на полном серьезе неизменно отвечал ей отец, силясь раскрыть для жены образы тех тварей, которых не дано было увидеть обычному человеку, – лешие, водяные, кикиморы. Славянская земля богата на засилье бестелесных обитателей. У нас намного меньше. Много рун на камнях...

– Рун?

Такие разговоры родителей я с интересом слушал день ото дня, по крупицам впитывая информацию об окружающем мире, зябко ежась от страха в темном углу занавешенного навешенной печи.

Следует сказать, что мама, не смотря на языческие чудеса, которые перед ней регулярно являл Ульв, так и осталась истовой православной христианкой, однако терпеливо принимая взгляды и убеждения мужа на жизнь.

Но я... я, искренне верил в сказанное отцом и перед сном, проваливаясь в царство сна, видел я перед глазами холмы и поляны, леса и рощи, пруды и водоемы полные невиданных чудес.

Вот так и жили. Для матери Бог был един и существовал на небесах в окружении светлоликих ангелов и святых, о чем она неоднократно рассказывала мне в личных разговорах, регулярно, по воскресеньям приводя меня за руку в местную церквушку.

Но Ульв... его мировоззрение было значительно глубже и, надо сказать, приземистей, практичней и, по сути, не попадало в рамки ни одной из ныне существующих конфессий.

Обладая изрядным умом, надолго опередившим темный век, он смог сопоставить со своей верой наравне и славянские начала, признав, что у родноверов и варягов единый корень Богов, только под разными именами.

Также с удовольствием Ульв вступал с пришлыми попами, ревнителями и распространителями веры, в пространственные беседы о религии, поражая последних своей образованностью, которая так не вязалась с образом деревенского мужика, в которого отец превратился по истечении нескольких лет земельного труда.

Уже мало кто мог в этом, слегка раздобревшим и потемневшем от солнца человеку узнать бежавшего воеводу. К тому же, для самоподстраховки, при прибытии в Дормислову Поляну он поспешил назваться другим, русским именем Ивана и никто не решился проверять правильность его слов. По большому счету, никому не было дела – Ульв делом доказал свое право занимать почетное место в деревенской общине, ни раз приходя соседям на помощь и выручку в мирских и ратных делах.

Подобное, «смешанное» мировоззрение породило в голове отца ядреную смесь славянского и скандинавского пантеона со щепоткой шаманизма, горстью христианства и толикой прарелигии всех людей, о которой он изведаль из уст ведающих людей еще у себя на родине.

Эта смесь являлась истовой, ярой попыткой человека изведать свое место в мире, узреть в каждодневной рутине бытия свое предназначение и цель.

До последнего вздоха Ульв считал, что мы, приходим в солнечный мир не зря. Каждый из нас несет, какую то великую миссию в угоду Богам, себе и окружающим.

Успел ли он найти ответы на крупномасштабные вопросы, не свойственные подавляющему большинству живущих? Я не знаю. Жизнь его прервалась чересчур рано, в самом расцвете сил и ума.

Однако, эта тяга максимально познать окружающую среду передалась мне, троекратно усилившись с приобретенными способностями. И я хочу сказать, Владимир, что, не смотря на все мои усилия, на излете жизни, я так же далек от понимания всего, как в самом начале своего пути.

И опять я ушел от основного повествования... О это дикое желание вместить все и вся на исписанные страницы!

Мысли... Воспоминания... Вьются и вьются каскадами картин в тухнушем, слабнушем сознании. Жалкая попытка сохранить себя в тканях этого мира. Соломинка для утопающего в болоте увядания...

Необычный опыт отца очень помогал нам, но весьма продолжительное время, не смотря на все ведические знания и помощь зельями да отварами, я всегда немного отставал в росте и физическом развитии, в сравнении с моими крепкими, плечистыми друзьями детства.

Как маленькие медведи юные, голубоглазые жители Рязанского княжества уже появлялись на свет сильными и закаленными, готовые быстро встать в строй защитников своей земли, или за отцовскую соху.

Мне же все эти качества пришлось нарабатывать упорными тренировками с отцом, о чем я хочу рассказать отдельно, призывая любого потомка, независимо от пола, тренировать брренное тело, обиталище светлой души, дабы иметь крепкую руку и дубовый, прочный стан, так необходимый в моменты неистовых испытаний на прочность.

Казалось, что военное ремесло само избрало меня – судьба распорядилась так, что внешне я всегда выделялся в шумной ватаге соседских русоволосых и голубооких мальчишек, будучи черноволосым, кареглазым, хилым, со шрамом, искажившим детский лик, что невольно порождало множество злобных подтруниваний и язвительных колкостей со стороны сверстников.

Однако, не смотря на «внешние недостатки», духом я, безусловно, являлся самым отважным из них. В детских драках, часто бывая бит, я чувствовал, как клокочет, бушует непокорный дух внутри меня. Поэтому я всегда вставал и, утирая злые слезы, лез на рожон, получая снова и снова, что не могло не броситься в глаза Ульву, регулярно «зашёптывающему» мои синяки и ссадины.

Шепот, которому я смог научить и тебя, Владимир, пусть посредством чужих уст учителей, хоть на данный момент и устарел, как магический инструмент, по сути, являлся вообще

странным, необъяснимым явлением из прошлого, которое позволяло самым далеким пра-предкам творить реальность на свой лад.

Короткий, ладный стишок, с вложенной в него духовной силой, наподобие молитвы помогал ведуну или шаману вершить свои тайные дела, кроя, подстраивая ткань реальности на свой лад.

Это сейчас развитие магических технологий, с развитием Алого Ордена, позволяет вложить в энергию один звук или вообще не произносить одного, но у самых начал нашей организации стояло древнее, языческое звучание заговора.

В детстве я не понимал этого явления, принимая ладный присказ отца за странное развлечение. Невольно копируя поведение старого варяга, я перенял привычку слагать в голове самые простые строчки, особо, по своей детской наивности не вникая в тайный смысл деяния, не вкладывая в сказанное необходимое движение духа, но развивая своей игрой необходимый навык, послуживший фундаментом будущему успеху на магическом поприще.

Прекрасно помню, как изменилось мое отношение к «шепотку».

Глава 2. Первые заговоры

Особенно часто меня задирали соседский старший сын Ждан. Крепкий малый, на год, опережающий мой шестилетний возраст, всегда не мог пройти мимо меня, чтобы не отвесить емкое слово или крепкий тумак.

Сверстники его любили – крепкий, коренастый, с дубовыми запястьями, толстыми ногами, на которых выделялись мускулы икроножных мышц. Привыкший к тяжелой работе с самого детства, он походил на былинного Илью Муромца в отрочестве, однако отличаясь от сего славного образа искаженным, злобным восприятием мира.

Дети лишь отражение отношения своих родителей. Его отец – такой же крепкий и коренастый Ярослав, уменьшенной копией которого являлся Ждан, только без бороды и усов, долгое время провел в походах и даже участвовал в бегстве русских дружин от неведомого врага после битвы на реке Калке, подломившей его дух.

Это заключалось в предельной озлобленности соседа на мир, и тугое, туманное ожидание нового пришествия невиданного по силе врага, что троекратно передалось старшему сыну, буквально вспылывавшего ненавистью к соседскому сыну иноземца.

Слегка скошенный торс Ярослава пересекал длинный, рваный шрам по спине – напоминание о грозной, татарской сабле, нашедшей его по пути на родину. Он особенно выделялся на мускулистом теле, благодаря повышенному уровню оволосения последнего. Шрам будто бы являлся дорогой сквозь густые, русые волосы, покрывавшие спину до самого таза.

На лицо Ярослав был хмур. Чаще всего пребывал в тягостном молчании, но слыл отзывчивым соседом и хорошим, пусть и холодным семьянином.

Окружающие шутили про него, что рано или поздно, когда последняя лошадь в Дормисловый Поляне падет, в плуг будут впрягать его, добавив в связку моего отца как помощника.

Не смотря на длительное отсутствие тренировок и крупные габариты, Ярослав все так же подвижен, точен и резок в движениях.

Все это сын, будто бы скопировал от отца, подражая ему в каждодневной суете и всячески стараясь быть подле него в любом ремесле и труде.

Наши отцы дружили. Им было, что рассказать и поведать друг другу из ратного прошлого, но я и Ждан долгое время оставались непримиримыми врагами, чью ненависть друг к другу усугубил весенний случай, изменивший и мое восприятие шепота.

В тот ясный, майский день, когда солнце светит с такой силой, что больно смотреть на подрастающую, зеленую траву, отражающую утренней росой ярчайшие лучи с небес, я шел домой, стараясь не измарать лаптей в грязной жиже улицы.

Развлекаясь дорогой, я старался складно и ладно воспеть столь примечательный денек, совершенно забывшись в окружающем мире, полном голосов птиц и шелеста свежей листвы.

Осторожно ступая по траве, внимательно рассматривая почву под собой, я не заметил, как уткнулся головой в человека, которого наименьше всего бы желал встретить.

Ждан стоял, крепко расставив босые, грязные ноги, скрестив руки на груди. Вокруг него, словно свора собак, вокруг крепкого вожака, вились его сверстники, предвкушая предстоящую забаву.

– Снова ты? – спросил меня противник, сквозь плотно сжатие, большие лепешки губ, – разве я тебе не говорил ходить околицами?

– Ждан, я... – мне не хотелось драки, но я понимал, что все мои доводы разобьются о его желание крови, – я просто...

– Что просто? Что ты себе под нос бубнил, скоромох? Молился, чтобы не встретились?

– Нет, Ждан, – я слегка отступил назад, готовый к неравной драке, – тебе не понять, скудоум. Это тайное знание, которое мне поведал отец.

– Пугать вздумал? – глаза Ждана сузились, и он сделал шаг вперед, но слава старого варяга мешала ему поступить более решительно, начав драку без долгих бесед – докажи делом!

И я доказал, яростно зашептав строчки, стараясь отвлечь соперника, чтобы первым ударить в крупную, веснушчатую переносицу парня. Стих вышел коротким, ладным и словно сам вывалился из груди:

*Славен злобой, мощью Ждан,
Но сегодня будто пьян:
Нет известной силы рук
Сердца с перебоем стук
И дыхание его,
Будто хворь грызет нутро
Предо мною упади
Будто князь сам впереди!*

Эффект вышел ошеломляющим. Глаза Ждана закатились под мощные надбровья, а с улыбающихся губ сорвался жалобный стон. Схватившись обеими руками за грудь, здоровый, молодой парень осел в грязь, обессиленно чавкнув лбом в свежееоттаявшую жижу между кустами травы.

Действительно, создавалось бы впечатление, будто холоп бьет челом перед знатным вельможей, если бы не одно но – Ждана трясло, да так сильно, словно зимний, лютый озноб пронзил все его естество в жаркий день весны.

Шепоток слышали все. Тому доказательством стали мелькающие пятки подбобоострастной ватаги, окружавшей Ждана минутой ранее. Причитая на разные голоса, маленькие жители Дормисловой Поляны улепетывали по дворам, призывая взрослых на помощь:

– Что ты сделал? – раздалось сбоку, словно нежный ручей в полуденную пору хладно омывал мшистые камни. Ни смотря на страх, на месте происшествия осталась только младшая сестра Ждана – Варвара.

– Я... Я... – в голову ничего не шло.

Судьба распорядилась так, что мне нравилась эта девчонка, с глазами как у моей мамы и по иронии жизненной повести именно ее братом являлся мой злосчастный враг, много раз, унижавший меня перед небом ее очей.

– Варвара, я не хотел... – мямлил я, отчаянно, физически ощущая, как под белой, легкой узорчатой рубашкой девчонки, в районе груди зарождается страх и неприязнь ко мне.

– Помоги же ему! Что стоишь?

– Я не знаю. Не знаю как.

– Тятя! – радостно воскликнула Варвара, ощутив на своем хрупком плече крупную, мозолистую руку Ярослава. Он вырос за ней, словно медведь, появившийся из распадка перед неподготовленными охотниками. Добавляя схожесть с грозным животным, старый воин буквально зарычал:

– Что ты сделал щенок? – легко отставив Варвару за себя, Ярослав медленно стал приближаться ко мне, вынуждая отступить. Конечным пунктом моего медленного отхода стала шершавая, неровная поверхность деревянного забора.

– Остановись, друже! Остановись! – скрипнув калиткой, на перехват соседу вышел мой отец.

Ульв лишь незначительно отличался по росту и габаритам в сравнении с Ярославом, немного проигрывая ему в размерах, но я был уверен, что старый варяг был намного опытнее.

– Твой сын убийца!

– Еще нет. Если ты будешь мешать мне Ярослав, магия возьмет свое. Позволь помочь.

– Быстрее, иначе...

Что бы было, если бы Ждан умер, не стоило и объяснять. Ярослав бы сделал все чтобы ни я, ни отец не ушли с грязной, деревенской улицы живыми.

Ульв склонился над Жданом, легко перевернув мальчишку на спину. Склонившись над его грудью, он внимательно послушал сердечный, сбивчатый ритм, а затем принялся шептать заветные слова, стараясь нейтрализовать мой наговор.

К его удивлению, получалось очень и очень трудно. Ни смотря на мою молодость, магические таланты нашли во мне богатую почву, прорастая дикой, неконтролируемой и необузданной силой.

Лишь спустя десяток минут багровое лицо Ждана стало приобретать здоровые оттенки, а трясущая мальчика лихорадка успокаиваться в молодом и здоровом теле. Еще десяток минут спустя Ждан мирно спал на траве, будто бы ничего и не было, а мы, стараясь не мешать Ульву, по-прежнему боялись шелохнуться.

Улица прорастала небольшими группами прибывающих зевак. Готовые к любому развитию событий, большинство мужчин были вооружены рогатинами, топорами и секирами. Лишь не многие имели в своем арсенале длинные, обоюдоострые мечи.

Убедившись, что опасность для жизни ребенка миновала, Ярослав приблизился к телу сына, легко взяв его на руки.

– Больше ко мне не ходи и не приближайся и гаденыша своего остепени, – грозно бросил он, обернувшись на нас, – что встали, зеваки? – бросил он сгущающейся толпе, – мальцы подрались, Гамаюн камень взял, когда понял, что не сдюжит. Давайте по домам.

Это все следовало обязательно упомянуть, ибо отношение сверстников и взрослых ко мне опять изменил его величество случай, являющийся основной, двигательной силой необычайной судьбы.

Слухи быстро распространялись по Поляне и, хоть авторитет отца был по-прежнему непоколебим, я же на долгое время превратился в объект всеобщего страха.

Отражая общий фон, я стал более замкнутым, угрюмым, а улыбка все реже навещала мое лицо. Мне казалось, что даже родители не хотели со мной общаться, особенно мама, беременная вторым дитем.

Мое одиночество и нежелание идти на контакт даже с Ульвом подарило мне множество прогулок в теплое время года по окружающим лесам и невыносимую тоску в долгие, зимние вечера.

Шептать я больше не хотел. Казалось, что любое мое слово способно навредить этому прекрасному миру, и я надолго позабыл о силах, бурлящих внутри меня.

Лишь по-прежнему ночью, кикиморы, водяные и прочая нежить тревожили мой сон, уходя с рассветом дымом от гаснущего костра.

Родители, конечно, общались со мной, но мне казалось, что это делается из необходимости. Так могло продолжаться бесконечно долго, но...

На излете холодной зимы 1228 года, в возрасте семи лет, выйдя во двор темного вечера, по малой нужде, я услышал детский, хорошо знакомый и полный ужаса крик с улицы. В белой, исподней рубахе, в отцовских лаптях на босу ногу, я кинулся к забору и осторожно выглянул за калитку, мгновенно обомлев от материализовавшегося ужаса, слышанного ранее только в рассказах взрослых.

Большой, серый с проседью волк-людоед, о котором много судачили местные мужики в последние дни, топорща бугристый загривок, роняя слюни с искривленного оскала, медленно крался к перепуганной девчонке, барахтающейся в снегу, подруги которой от страха даже не

могли растворить рта, чтобы призвать на помощь, отсиживаясь за высоким тыном близлежащего двора.

«Варвара...» молнией пронеслось в моей голове. Это имя будто бы вытолкнуло меня на улицу, заставив на дрожащих ногах выйти на выюжную дорогу.

Нужно было что-то очень быстро предпринять, но что? Еще секунда и могучая пасть пришедшего, незваного гостя сомкнется на белой шее ребенка, легко разгрызая мягкие позвонки.

Перед глазами пронеслась жуткая картина, живо рисуемая воображением, как довольный хищник волочет в чащу мертвое тело Варвары, чтобы в безопасности насладиться страшной трапезой старого изгоя из волчьей стаи.

Звать на помощь было поздно. Не помня себя от страха, я схватил первое, что попало в руки, а именно простое, березовое полено, коих в избытке Ульв наколот накануне, так и не потрудившись сложить поленья в ровную поленницу во дворе.

Выбегая на улицу, я, что было сил, заорал, заголосил, привлекая внимание хищника к себе, надеясь отвлечь животное от жажды неокрепшей плоти, а заодно и привлечь внимание взрослых к творящемуся непотребству.

Волк от неожиданности осел сразу на четырех лапах, поджав хвост от испуга, изрядно растерявшись от воинственного крика из-за спины. Его желание легкой добычи перебивал наглый, молодой мальчишка, бегущий в атаку на грозного противника с куском дерева наперевес. Это замешательство, как оказалось впоследствии и спасло жизнь мне и маленькой девчонке.

Вновь сами по себе из памяти вырывались заветные слова, впервые за долгое время отрицания, складываясь в заговор:

*Стань моим заслоном, стань моей защитой
Перед пастью волчьей плоть пусть будет скрыта!
Стань моей кольцугой, стань щитом варяжским
Подари победу в драке нашей тяжелой.*

Не помня себя, Отшептав на одном дыхании защитное четверостишие, я выставил полено перед собой, смутно ощущая, как сквозь слова глубинная, спящая сила сдвигается внутри меня в районе солнечного сплетения, вливаясь в замороженную, древесную плоть.

До конца обдумать это явление я не успел – волк, придя в себя после сиюминутного замешательства, избрал меня целью для атаки, могучим скачком сократив расстояние. Зверь, легко сбил меня с ног ударом груди, над самым ухом лязгнув смрадной пастью, отбросив как пушинку в глубокий сугроб уличной обочины.

Больше я ничего не успел и не смог сделать, так как волк, встав лапами на грудь, окончательно пригвоздил меня к земле, еще глубже погружая в ледяные, сыпучие объятья белого покрова. Холодный снег сугроба, осыпавшийся мне на лицо, быстро забился в ноздри, рот и глаза, полностью дезориентируя в пространстве.

Время сгустилось. Отдающее падалью дыхание людоеда медленно усиливалось, приближаясь к моей шее. Смерть казалась неминуемой карой за отвагу.

Скорее по наитию, чем по разумению, я выкинул вперед руку с березовой полешкой, которую так и не выпустил, прижимая к себе, не смотря на перелет через половину улицы.

Страх придавал сил стиснутым пальцам и я, стараясь хоть чем-то оборонить себя от грозных клыков, выставил навстречу смрадной пасти тяжелый, неудобный кусок древесины. Получилось.

Клыки волка с хрустом вгрызлись в дерево, тем самым выигрывая необходимые секунды жизни. Потом снова. И снова. Как бы волк не старался я, всегда верно, слепо выбирал направление следующего укуса, подставляя дерево на пути слюнявой пасти... или дерево, следуя воле заговора, само подставлялось под атаки хищника.

Волк сатанел, видимо не понимая, почему вместо горячей крови он вновь и вновь чувствует противный привкус березы на своем языке. В иступленной ярости зверь, наконец, как собака, затряси головой, легко вырвал дерево из моих рук, отбросив далеко в сторону единственную защиту.

Торжественно, ликующе зарывав, не встречая более препятствий, он несколько раз с лязгом сомкнул пасть, не достав каких-то жалких сантиметров до моего лица, и был отброшен назад, как побитый пес, могучей рукой Ульва, собравшей в горсть его седеющий загривок.

Одним коротким, ладным движением обоюдоострого меча варяг еще в воздухе вскрыл серое брюхо, выставив истоптанный снег месивом из кишок поверженного животного. Более не обращая на воющего хищника никакого внимания, отец подал мне руку, поставив на ноги перед взором взволнованных очей, и отложив оружие в сторону, осторожно потряхнул мое тело от снега.

Отец внимательно осмотрел меня, выискивая ранения и с облегчением осознав неимение таковых, улыбнулся блаженной улыбкой победителя:

– Ну, торопыга какой! Лет от роду всего ничего, а уже в бой лезет! Моя кровь... – Ульв презрительно посмотрел на раненного зверя, который пытался отползти в сторону леса, медленно волоча за собой по грязи болтающиеся кишки, – Пойдем, – отец хлопнул меня по плечу призывая догнать страшного зверя.

– Тять, может не надо? – попробовал было я возразить воле отца.

– Надо, сынок. Твоя добыча. Да и волк этот – совсем не волк. Зверь бешенный. Охотники говорят, что хищника, за его нрав, отвергла даже стая, поэтому он и искал себе легкого противника, а нашел тебя.

Помню, что при нашем приближении волк заскулил, как побитая шавка, чувствуя смерть, немного прибавив ход, насколько это позволяла все увеличивающаяся вереница дурно пахнущих внутренних органов. Ударом сапога отец опрокинул животное навзничь, мощной рукой придавив зажатую десницей, пасть к земле. Сверкнув в свете луны, из другого голенища показался острый клинок ножа:

– Твоя добыча, – повторил Ульв и испытующе уставился мне в глаза. Я сразу понял, чего он желал от меня. В этот момент стало действительно страшно. Не смея перечить, я взял нож дрожащей рукой и услышал очередное напутствие:

– Уверенно режь. Будешь мямлить – принесешь страдание. Он этого заслуживает, но вижу, как не желаешь ты этого! – старый варяг с силой вывернул голову волка, другой рукой приподняв одну из передних лап.

Распоротое брюхо противно чавкнуло. Мне заплохло так, как могло заплохнуть юноше, путь не впервые увидевшему кровь, однако доселе не привыкшему к ее виду, но Ульв был непреклонен. Без слов, лишь концом сапога он указал в нужное место, где за толстой шкурой билось еще живое сердце, выталкивая на снег содержимое вен.

Мускульное усилие дрожащих рук. Заточенный нож легко вошел в тело, минуя ребра. Волк приглушенно взвыл прихваченной пастью и забился в конвульсиях, омывая меня брызгами алой крови. Через три минуты все было кончено. Булькающая туша животного отдавала последнюю дань процессам поверженного организма, угасавшим внутри.

Дрожь сковывала тело, перехватывая дыхание. В жаркой, внутренней самоборьбе я и не заметил, как на невиданное представление явилось поглазеть несколько десятков разбуженных зевак. Некоторые из них, ведомые неизменной привычке, не ведая, что ждет их за порогом родной избы, были наскоро вооружены.

– Ну что уставились люди добрые? – спросил собравшихся Ульв, встав в полный рост и расправив плечи, – оставьте мальчика! Пусть свыкнется с первой смертью! Побудет один.

Под одобрительный гомон небольшой толпы, он увел меня в родной двор, но чувствовалось, как же он гордился моим поступком в этот момент, хоть всем своим видом и пытался не выказать оного!

В ту ночь я так и не сомкнул глаз до самого утра. Все мерещилось, что поверженный зверь тихо ходит за толстыми стеклами окна, пустыми бельмами закатившихся глаз высматривая обидчика в темноте теплой избы. Семь потов ужаса сошло с меня и каждый раз, на смену страху, приходило терпкое чувство победы и спасенной человеческой жизни.

Вечером следующего дня на пороге избы появился Ярослав, с женой и всем своим многочисленным семейством. Поклонившись друг другу в пол, отцы обнялись как братья, которым не требовалось много слов, чтобы решить возникшие недоразумения.

Обнялись и матери, слывшие подругами, пока случай не заставил их приостановить вечерние визиты друг к другу.

– Гамаюн! – крикнул отец, призывая меня к себе, – слазь ты уже с печи. Гостей встречай.

Не смея перечить, я отдернул узорчатую занавеску, спустившись на теплый, выструганный пол избы. Весь красный от стыда и повышенного внимания я приблизился к группе людей, запрудившей половину горницы.

Стараясь быть вежливым, я поклонился, а когда встал в полный рост, то мозолистая, огромная рука сжала мою, в крепком, мужском рукопожатии. То Ярослав, не смотря на разницу в возрасте, первым искал примирения за брошенные в гнев слова

– Извини! Спасибо ... – он был немногословен, но эта фраза дорогого стоила из уст холодного главы семейства.

Пожал руку и Ждан, крепко потрепав за плечо как брата.

Варвара, скромно обернув лицо крепнущей, толстеющей косой, бросила на меня быстрый взгляд из под заалевшего лба, не в силах вымолвить и слова от накативших чувств.

Это заметил не только я, но и взрослые, беззлобными смешками отметив занятное замешательство Варвары перед своим спасителем.

Все прочие дети Ярослава были столь малы, что совершенно не понимали сути творящегося обряда примирения, а посему получив разнообразное угощение, разбрелись кто куда по пространству нашей избы.

Полночи семейства праздновали примирение, достав из погребов яства и хмельные меды. Полночи мы, старшие дети, а именно я, Ждан и Варвара, сидели на печке, сквозь занавески подглядывая за взрослым гулянием.

Младшие братья и сестра Ждана уже давно сопели взопревшими носами, вглядываясь в третий или четвертый сон, а мы все продолжали вслушиваться в долгие, непонятные разговоры отцов о страшных временах, которые непременно должны коснуться наших земель и о подготовке к ним.

Из нас троих Ждан уснул первым, убаюканный монотонным течением речи захмелевшего Ярослава. А мы, с его сестрой, не в силах проронить и слова, еще долго молча смотрели друг другу в глаза, пока под утро, совершенно естественным образом, улегшись друг подле друга в сморившем сне, обнявшись крепко, будто бы чуяли, что детское, щенячье чувство готово материализоваться в нечто несоизмеримо большее. Материализоваться в любовь.

А наутро моя семья пополнилась сразу двумя детьми. Моим младшим братом и сестрой. Ильсей и Василисой.

С той драки не только деревенские дети меня зауважали, но и взрослые. Ранее враждебно настроенные сверстники, позабыв про насмешки, не без подсказки Ждана, заметили, приняли меня как своего, а потом потихоньку-понемногу стали прислушиваться к моему мнению, позволяя единолично выдумывать приключения и игры.

Шкура седого волка заняла почетное место на одной из стен избы, к неудовольствию набожной Пелагеи, вынужденной длительное время не выходить из дома из-за долгожданного прибавления. Но в этот раз отец был непреклонен, не смотря на просьбы убрать трофей:

– Первая добыча. Шкуру, душа моя, береги и лелей, как таблички в углу деревянные! Вырастет Торопка, справлю ему добрую накидку, в память о ночных событиях. А пока пусть напоминанием победным служит!

Новое прозвище, данное отцом, удивительно подошло такому бойкому и стремительному мальчугану, как я. Вскоре, за мою ловкость, подвижность мои друзья переняли домашнее имя, навек привив судьбу стремительного непоседы.

Не все выросли. Не все выжили. Но прозвище сие, как второе имя, живо по сей день на просторах памяти.

Глава 3. Правило воина

Многое вместило в себя мое богатое детство. Понимая, что я уже безосновательно затянул свою повесть, постараюсь далее, как можно более кратко описать творящиеся события моего отрочества.

Поймите меня правильно, дорогие потомки, мне, на излете лет все кажется важным и значимым. Порою те события, которым в быту я не придавал и малейшего значения, перед ликом смерти превращаются в нечто огромное, определяющее судьбу и дальнейшее развитие.

То ли это старческое слабоумие косит некогда острое и верткое мышление, то ли тяжесть гусиного пера, с каждым днем увеличивающаяся для слабнувшей руки. Я не знаю... Но, спокойной анализируя события все же сокращу ранее запланированный объем воспоминаний.

Я всегда все делал сам. Все и всегда, однако, помышляю выбрать из Ордена наиболее смышлёного собрата, дабы он, своей рукой зафиксировал большой объем информации.

Это все мысли, ну а пока продолжим.

Как я уже говорил выше – жизнь моя значительно изменилась после ночного подвига.

Потихоньку повышая нагрузку день ото дня, после достопамятных событий, Ульв принялся последовательно закалять тело мое упражнениями, компенсируя его малые габариты.

Для любой тренировки нужен и важен партнер. Стоит ли говорить, что молчаливый и крепкий Ждан, перекочевавший к тому времени в статус надежного друга, стал моим собратом в деле развития и роста физических навыков? Благо, что утомительные занятия мы превращали в забавную игру, неизменно соревнуясь друг с другом.

Несколько лет спустя «правило воина» (как называл отец комплекс сочиненных им дел, для повышения боевых навыков) практически вобрало в себя все наше немногочисленное, свободное время.

Лично я, кстати, этому был несказанно рад, воспринимая бег по лесным тропинкам, ношение бревна или рюкзака с камнями на расстояние, да упражнения с утяжеляемым деревянным мечом как желанную, взрослую обязанность, постепенно обращающую меня в былинного витязя.

Я креп и креп, чувствуя, как наливаются мускулы и связки необходимой силой, постепенно догоняя даже от природы развитого телом Ждана. С моим прогрессом расширился и уровень тренировочного процесса. Отец был богат умом, и ему не составляло труда придумывать все новые и новые испытания нашим приобретенным навыкам.

Каждый новый меч был тяжелее и опаснее, пока не превратился в тяжелый, обоюдоострый клинок из железа, выторгованный у редкого купца в наших краях. В стольном городе по наказу деревенским мужикам, отправляющимся в Рязань для торговли, на остатки притаенного серебра справили первую кольчугу на вырост, чтобы привыкали молодые плечи.

Запастья наполнились силой за сохой, спина за работой в поле и по дому, которой всегда хватало с избытком.

К тринадцати годам отец вызвал меня на поединок, сохранив, сей момент втайне от матери и Ждана. Он был полностью удовлетворен результатами проверки, с трудом отразив несколько стремительных, умелых атак моих, но сразив меня ловкой подсечкой при защите от удара.

С той поры Ульв отстранился от моего обучения в этой сфере, сказав, что отныне моего разума и навыков хватит, чтобы самому продолжать тренировки. Дальнейшее мое развитие зависело теперь только от моей воли.

Я был не в обиде. Крепнувшие и растущие брат и сестра требовали от родителей все больше догляда, отнимая все свободное время.

Параллельно учился и грамоте. Причем самой разнообразной. В переметных сумках Ульва нашлось множество византийских книг, рассказывающих о мироустройстве мира. Были и славянские, берестяные свитки. Нашлись и древние трактаты, таблички, глиняные дощечки, бережно хранимые в особой сумке, где язык повествования был очень чуден и напоминал скорее клинопись или набор грубых картинок.

В этой сфере мой союзник поменялся. Ждан, не испытывая тяги к знаниям, все больше спал, уткнувшись лбом в выструганный стол, но неизменно, рядом со мной, нахмутив лоб и выводя тонким пальчиком по берестяной поверхности, сидела и учила трудные, иноземные слова расцветающая Варвара, которую, не безосновательно, вся деревня пророчила мне в жены.

Подобная занятость все более отдаляла меня от сверстников, сузив круг общения лишь до трех человек, и к четырнадцати годам сделала меня грозным воином, соратником к которому стали уважительно относиться и взрослые мужи, на равных увлекая с собой на охоту.

Взамен ограниченному живому общению книги стали моими друзьями, перечитываемые вечерами до дыр под тусклой лучиной. Растущее сознание требовало вливания новой информации, которой остро не хватало на самой окраине Рязанского княжества.

Ульв, наблюдая мои страдания, не смотря на собственную занятость, пошел навстречу, решив, раньше срока, обучить и тайному:

– Ох, Торопка! Скороспел ты, горяч! Видит Бог, сила тела твоего, разума и души не ведает границ, энергия плещется через край! Не советую дитя малое али юношу ретивого учить, с духовными сферами работать. То удел состоявшегося мужа и воина! Но тебе сделаю исключение, наблюдая духовное страдание, для твоего возраста несвойственное. Уповаю лишь на внутреннюю крепость твою, ибо увиденное, изученное ни одного достойного мужчину увело в царства мрака и безумия.

– А Варвару можно с собой на уроки брать?

– Варвару Ярославну то? – Ульв лукаво улыбнулся, сверкнув глазами, – ко мне нет. А сам... коли время есть учи тому, чему учу я. От этого ты лучше будешь информацию усваивать, чтоб своей ученице не исказить.

На том и порешили.

Ни смотря на опасения, Ульв не привык отступаться от принятых решений, а посему он вновь взял в руки бразды моего обучения, да будет благословенно небо, пославшее мне столь сведущего отца!

Чем больше я познавал, тем дальше видел день ото дня. Знания и особые упражнения на сосредоточение раскрывают невиданные, причудливые дали. Перед взором по-другому виделись хорошо знакомые места вокруг деревни, как оказалось наполненные причудливыми существами, невидимыми при обычном взгляде.

Чувствуя силу отца, а потом и мою силу лохматые лешие, угодливо показывали нам дорогу в долгих, уединенных прогулках. Кикиморы были в болотах, страшась, легкой поступи молодого ведуна. Русалки залиvisto смеялись, чаруя своей отполовиненной красотой.

Следует сказать для людей непосвященных, что в основе любой нечисти лежит погубленная, человеческая жизнь. Душа, задерживаясь в тканях нашего мира, порою приобретает страшные, уродливые формы, искажая даже прижизненное мышление ушедшего.

Всего этого не видел обычный люд, но видел я. И постепенно, преодолевая страх ради меня, стала видеть Варвара. И это было прекрасно! Вопреки опасениям отца новый мир затянул нас с головой, по-новому освещая каждый проживаемый день.

Ох и доставалось Ждану в эти дни! Я думал, парень поседеет раньше времени, когда мы с Варварой на пару могли красочно описывать ему очередную невидимую тварь, тенью возникающую на дороге.

Что чувствовал молодой воин в этот момент, не сведущий в магии? Что видел? По свидетельству немногословного друга лишь смутное мельтешение в листве или на обочине или дуновение холодного ветерка в жаркий, летний день – все, что было доступно восприятию простолюдина.

По своему обыкновению, большинство потусторонних существ не были враждебными. С любой тварью, при желании, можно было найти общий язык или, в крайнем случае, припугнуть. Однако случались и самые настоящие драки. Отлично помню, как отец при мне усмирил особо ретивого лесного духа, вынуждая его пропустить нас в его привычные места обитания.

Помню, как воздух поляны задрожал, выдавая присутствие потустороннего, сильного существа. Весенний ветер поднял прошлогоднюю листву, легким, неопadaющим вихрем вылетев на середину открытого пространства.

Невнятный, нечленораздельный шепот коснулся натренированного слуха, выдавая враждебные намерения местного лешего.

– Злобный, черт! – хохотнул в густую бороду отец, доставая из-за пазухи мешочек, наполненный сушеными семенами полыни, перемешанными с ядреным, тертым чесноком.

Наотмашь раскидав остро пахнущую смесь на пути вихря, Ульв окончательно материализовал дух, чтобы говорить с ним на равных.

Как я уже говорил, простому мирянину видно бы было лишь чудное кружение мертвой листвы, но нам, нам ведунам, открылось безобразное тело стухшего мертвеца.

Головы не было. Видимо человек, потеряв оную в драке, был так расстроен своей преждевременной кончиной, что предпочел остаться в тканях нашего мироздания даже в столь уродливой, гадской форме. Вместо головы, призрак заимел на ее месте странной формы, шелестящий куст черных, голых ветвей шиповника, произрастающих из основания шеи – слабая замена самому важному органу человека! От сего дух был немногословен и имел в арсенале возможностей общения только невнятное бульканье, исходящее из сизого отверстия рассеченного горла.

Не теряя времени, отец, который видел чудного немало, прошептал в кулак потаенные слова и как боец, заряженным кулаком, с силой приложился в район груди приведения, отправляя удар сквозь тонкую грань разделяющую Бытие и Небытие, вынуждая страшное видение, со стоном, раствориться в воздухе солнечной поляны.

Лес дрогнул, порождая сдавленный, отчаянный вой из своей глубины. Отрубленная голова, где то за березовой рощей, закопанная в землю, продолжала жить своей жизнью, руководя действиями тела.

– Шалит, – отец внимательно прислушивался в глас отчаяния, – Не наш это леший. Пришлый. Вижу по кафтану, что вроде как купец был, причем восточный, иноземный. Видимо лихие люди, брюхо вспороли, обезглавили да в канаву сбросили. Там и сгнил. Оттого и лютует.

– Зачастили что-то люди лихие в наши края, отец.

– Зачастили, сын. Времена нынче беспокойные, страшные. Чего только банда Соловья стоит! Атаман в ней тоже не простой, магией владеющий. Может и его рук дело... Пошли, что ли, кости упокоим. Там и хоронить то теперь нечего – один прах остался...

– Что шептал то? – спросил я его терзаемый любопытством.

– Да то же, что и ты, когда с волком тягался. Ведь каждый раз по-особому выходит. Так надо. Нет единой формулы. Есть только наитие и чутье. Слыхал я, конечно, о мастерах, способных не издавая не звука достигать необычайных плодов своего усилия, да таких на белом свете видимо по пальцам перечесть можно. Но колит тебе интересно. В этот раз у меня вышло вот что:

*Бей кулак! Сквозь морок бей!
Чтобы был сражен злодей,
Чтоб у лешего сполна
Разболелась голова
И его дремучий нрав
Улетучился стремглав.*

– Эх и чудно у тебя получается на ходу слагать. Мне бы так. По-прежнему бывает, путаюсь, сбиваюсь, – похвалил я отца, одновременно жалуясь на собственную беду.

– Скоро и сам сможешь в любой ситуации. Это тренируемо. Как и все в человеческом естестве и теле.

– Все же не понимаю – зачем слова в стихи обличать? Отчего нельзя просто вложить в них всю душу, все усилие характера, чтобы не выдумывать рифму?

– Шепот должен быть ладным да складным, – ответил мне Ульв, – Нашептать всякое можно. А в таком обрамлении не каждому дано. Вот от этих талантов и начинается шепоток особый, сокровенный, ядреный. Помни, сын – знания и умения делают нас немного выше других людей, но и плата у нас соразмерна. Мы выбираем в дни безделья тропу усердия и особого труда, когда другой мужик предпочитает на печке репу трескать, бабу свою жамкать, да штаны протирать. Отсюда и ум у большинства дремуч и не развит, – помню, как отец задумался, ненадолго замолчав. Он так всегда делал, когда мысленно обращался к клиновидным записям, хранимым в переметных сумах, вспоминая, выискивая нужные строчки:

– По трактату первой расы, – промолчав, продолжил он, – ум состоит из двух половин. Одна, левая для жита-быта треба, другая, правая для единения с умом под умом, а оттуда с самим естеством! Латиняне под ум мудрено зовут – подсознанием, а древние естество величают не иначе как кристаллом души. Вот посему легкая байка, да стишок эту связь и раскрывают легче, потому что в воображение работает изрядно, помогая связать всю систему воедино.

Саму Варю тренировал уже я, лично. Точнее, положила руку на сердце, наши тренировки всегда начинались с прогулки, и с повторения знания, заученного накануне.

Ко времени исполнения четырнадцати лет я уже разбирался во всех сортах нежити, обитавшей в округе, способах борьбы с ними и телом был крепок как молодой волк, готовый днями и ночами гоняться за очередной добычей для стаи.

Варвара, младше меня на год, тоже входила в пору расцвета, буквально на глазах обращаясь в статную, деревенскую красавицу. Ни один мой сверстник тайно вздыхал по ней, но её сердце всецело принадлежало мне одному. И берег я его ответственно, по-взрослому.

Ученицей твоя матушка была прилежной, вскоре, перещеголяв своего учителя в деле общения с нежитью. Меня мертвяки боялись. Её обожали. Каждый домовый, каждый банник или прочий мелкий бесенок, любили виться у её подола, в надежде поймать короткий и ласковый взгляд, который буквально на секунды, но позволял им вновь почувствовать себя живыми.

Русалки пели твоей матери вслед, восхваляя её красоту, а лешие уступали дорогу, открывая перед её очами самые плодоносные, заветные поляны, полные спелой клубники или черники.

Тайное знание не сделало её нелюдистой, а наоборот, позволило расширить круг знакомств до невероятных размеров. За советом к ней все чаще обращались взрослые, не чувствуя злого естества в светлой девочке, особенно по части вопросов, касающихся недавно умершей родни. Варя быстро научилась разговаривать и с покойниками, легко уговаривая их уходить из подлунного мира в иные дали и не тревожить живых.

Что Ульв, что Ярослав, что Ждан знали, что в часы таких «ученических прогулок» нас лучше не беспокоить, потому что невероятно часто мой очередной рассказ о лешем или водяном прерывался страстным поцелуем.

Еще не осознавая всех потребностей и таинств наших организмов, мы в глубине души, смутно чувствовали, что за простыми поцелуями должно следовать нечто большее, но старались не торопить события.

Ждан, как хороший друг, доверительно пересказал мне разговор наших отцов, услышанный накануне праздника солнцестояния 1236 года. Ярослав и Ульв, в присутствии матерей, понимая наши чувства, всерьез говорили о том, что коль все пойдет своим чередом справить богатую свадьбу на следующий год, позволяя любящим сердцам воссоединиться по небесному закону навсегда.

Хорошо же, когда родители видят и слышат своих детей! В отличие от Ульва, большинство своего времени я был слеп к твоим чаяниям Владимир. Нам с твоей матерью была уготована уникальная судьба, и если бы не череда злоключений, обрушившаяся на наш век, то возможно ты, зачатый по большой любви, чистым и светлым ребенком бродил по Дормисловой Поляне, с радостью встречая каждое утро, а не был бы вынужден оттачивать боевые навыки всю свою сознательную жизнь, готовясь, стать великим Воеводой.

Так уж повелось, что очень продолжительное время я был вынужден считать твою мамушку мёртвой...

Глава 4. Начало нашествия

Я жил и жил, в счастье и гармонии с окружающей средой, пока мой мир не разрушился в одночасье. В возрасте шестнадцатого года на Русь пришла страшная беда, предвестником которой стала странная звезда, хвостатая, не увядающая в дневном небе.

Мать, нашептывая молитвы, предвещала пору лишений и испытаний. До деревни стали докатываться дикие, страшные вести, которые казались нам сказкой – якобы многочисленный народ востока, уже показавший зубы на реке Калке, но отступивший восвояси, приближался к нашим границам, чтобы посеять смерть и разрушения на месте древних городов.

Отец оставался беспечен, весело воспринимая страшные известия, которые занес ясным, зимним днем 1237 года в Дормислову Поляну заезжий, торговый человек:

– У страха велики глаза, – ответил купцу Ульв, – нам ли, гордым, сильным детям Рязанским страшиться степного зверя? Ни раз, ни два бивали его и бывать будем. Печенеги, половцы... Кто там, говоришь, теперича нам грозит войной?

– Дикие, страшные мунгалы! – отвечал купец, и было видно, как полнятся ужасом его алчные глаза и как дрожит под богатым кафтаном отросшее в беспечности брюхо.

– Слышать-то слыхивал, а видеть не видывал! Ну, мунгалы, так мунгалы! Все едино, кого бить, али я не прав, мужики? – воспробил он собравшуюся толпу и та ответила отцу громким смехом сильного народа.

Мрачным остался лишь Ярослав. Зычным голосом, остепенив всеобщее веселье, обычно немногословный мужчина хрипло увещевал толпу:

– Зря ерепенитесь люди православные! Мунгал мал, да верток, зол как черт и умел в драке. Было нас в три раза больше в поле, вместе с половцами, да единения не было. Полководец их – Субэдэй, правильно все рассудил. Разбили нас на голову, люди добрые, да еще долго, убегавших, били. Это не обычные степняки. Особые. Готовьтесь славяне...

И да простят потомки легкомыслие моего самоуверенного отца, ибо он не ведал истинных масштабов трагедии.

После разговора минуло несколько часов. Солнце только начало клониться к закату, мягко коснувшись вершин замороженных берез. Бойкий торг посреди деревни еще не отгремел и кожаные куны вместе с серебром еще не осели в кошельке пришлого купца, как с окраины деревни, с места, где стоял наш дом, раздался страшный, многоголосый, нечеловеческий клич:

– Кху! Кху! Кху! Урагх!

Дормислова Поляна, пребывая в покое многие года, ослабила внимание богатым торжищем, сняв с постов даже дозорных, и поэтому неожиданно для себя запылала сразу с двух концов, черными столпами дыма подперев ясное, морозное небо.

Нас застали врасплох, совершенно не готовыми к битве. Толстый купец только успел завизжать, кинувшись со всей прыти одутловатых, грузных ног к запряженной телеге, как с причудливым свистом черная вспышка расчертила пространство площади, впившись ему промеж лопаток.

Торговец всхлипнул, оседаая на колени. Он беспомощно задвигал руками, сляясь выдрать черное древко стрелы из широкой, сальной спины, но длины конечностей не хватало, чтобы сделать задуманное. Видимо кусок стали, засевший в плоть, с каждым движением доставлял ему очень большое страдание, потому что выл он и плакал ей-богу как маленькое дитя!

– Тревога, братцы! – закричал кто-то из деревенских, и бойкое торжище кинулось враспынью, выискивая возможность вооружиться в покинутых избах. Тщетно.

Низкорослые, лохматые, рыжешёрстые кони, частично облаченные в гибкую броню, заполнили площадь, сбивая своими телами разбежавшийся люд. Молодой монгол, нагло улыбаясь творящемуся непотребству, первым ворвался на торговую площадь, легко играя тяжёлым ятаганом в могучих руках. Несколько мимолетных движений и несколько мужиков схватились за головы, тщетно пытаясь прикрыть страшные, смертельные раны.

Защелкали арканы, опутывая детей и верещащих баб, которых грозные захватчики желали увести в плен.

Один из арканов больно стянул мое туловище, крепко притянув руки к телу, лишая возможности сопротивляться. Грубый рывок буквально кинул меня лицом в истоптанный снег, по направлению к грозному иноземному захватчику.

Только тут я впервые смог разглядеть монгола вблизи. Зрелище воистину невиданное доселе на русской земле! Худое, скуластое лицо желтого цвета, на котором узкими бойницами были грубо вырезаны черные, злые глаза, наголо выбритый лоб, уходящий под остроконечный шлем с конским хвостом на конусном навершии. Грязные, крепкие, слегка узловатые руки, покрытые шерстью меховой накидки, уходили под добротные, подвижные латы, оковавшие переднюю часть тела бойца. Желтые, заостренные сапоги, продетые в стремяна и кривую, блестящую саблю в другой руке – это все то, что я успел разглядеть в миг полета по направлению к земле.

Пребольно, пластом рухнув в мелкий снег, я стал извиваться, стараясь, во что бы то ни стало стянуть обидчика с коня. Монгол лишь насмешливо смотрел на мои потуги вырваться, удерживая мои движения привычной, закаленной рукой, зажав во рту длинные, черные бабские косы, ниспадающие из-под остроконечного шлема.

Иноземец был худ, грязен, низкоросл, но жилист и силен, что выдавало в нем опытного воина, привыкшего к трудностям дальней дороги, он легко натянул аркан одной рукой, другой умело привязывая его к излучине седла.

Атаковали татары так быстро, что только привыкший к неожиданностям отец смог оказать хоть какое-то сопротивление. Вынув нож из-за голенища сапога он, заточенным до бритвенной остроты клинком, первым делом перерезал стягивающий меня аркан.

Схватив за хрустнувшую одежду, он уволок меня за телегу купца, в которую ежесекундно впивались длинные стрелы, не находящие цели. Нет, монголы были замечательные стрелки, не подумайте на недоразвитость их навыков! Если бы ни верный шепоток Ульва, то мы были бы нашпигованы снарядами в первую же минуту сопротивления.

Едва я оказался в относительной безопасности я рванул в сторону ближайшего плетня, в надежде уйти огородами, но крепкая рука отца сдержала мой стремительный порыв:

– Ты куда? – спросил он меня, испытующе уставившись в глаза.

– Варвара – шепнул я разбитыми при падении губами, надеясь, что Ульв меня поймет с одного слова.

Он понял, но реакция последовала не та, которую я ожидал:

– А мама? А брат с сестрой? Пустишь на самотек? – тихо спросил отец, выдав горечь в голосе, но тут же поспешил исправиться, понимая, насколько значима для меня возлюбленная, – Варвара не дура, да и в магии волокет. Как заварушка началась, Ярослав к дому кинулся. Он опытный воин. Он все сможет. Но сейчас горит наша изба. За мной, – скомандовал он мне и первым кинулся в неприметный, собачий лаз полузасыпанный снегом.

Уходили быстро, ни на что, не обращая внимания и стараясь е затевать драк, заметив только, как несколько пылающих факелов были перекинута через огород на крышу близлежащей избы.

Сухая дранка, пусть и присыпанная снегом, легко приняла огонь на себя, быстро разрастаясь в самый настоящий пожар.

Во дворе спешившийся кочевник, схватив драгоценную, живую добычу в виде дрожащей, перепуганной бабы, поваленной в снег возле крыльца, не встретив никакого сопротивления, хаотично искал добро в разгорающейся избе, наскоро выволакивая нажитое добро на истоптанный снег.

В грязное крошево летели многочисленные одежды из сундуков, любая кухонная утварь и вообще любой мало-мальски пригодный предмет, который можно было увезти с собой.

Убедившись, что вокруг никого нет, Ульв занял позицию в стороне от крыльца, кивком указав мне место с другой стороны. Я без слов понял отца и когда монгол в очередной раз возвращался с добычей, схватил его сразу за обе ноги, чем заставил рухнуть в только что награбленное имущество.

Удивленно крикнув, кочевник упал лицом в глиняную посуду, обнажая неприкрытую доспехами спину, куда тут же, без промедления, старый варяг вонзил несколько раз свой верный, засапожный нож.

– Бери копье, – Ульв, схватив кривую саблю, указал ею в сторону послушного коня, ожидавшего своего хозяина без всякой привязи, к седлу которого было прикручено короткое, толстодревковое копье бритвенной остроты. Им я и вооружился.

Между тем побоище в Дормисловой Поляне все усиливалось. Любое сопротивление безжалостно подавлялось и уже ни одно тело, бездыханной грудой мяса, было кинуто под копыта разгоряченных коней.

Как раз напротив нашей пылающей избы мы обнаружили на улице целый десяток захватчиков, окруживших израненного, иссеченного копьями Ярослава.

Монголы хохотали, потешаясь над попытками обессиленного Ярослава проврять их ряды. Из его избы доносились нечеловеческие крики сгорающей заживо семьи

– Мама! Варвара! – вскинулся над забором я, потянув отца за рукав, – нам нужно к избе! Они убьют их!

– Уже убили, – чересчур холодно сказал отец, грубо, за воротник, кинул меня по направлению к лесу, – беги! Я останусь! Ну!

– Нет, – твердо сказал я, поудобнее перехватывая копье, – нас уже заметили. К бою.

Монголы, встретив неожиданного противника, нисколько не растерялись подобному положению вещей и оставив двух человек на добивание Ярослава, широким полукругом двинулись по пылающей улице по направлению к нам.

Мы казались им легкой, отчаявшейся добычей. Это было видно по самодовольному оскалу гнилых зубов и валкой, расслабленной походке победителей.

Вертикальная стрела, вынырнувшая из дымовой завесы, нарушила самодовольство крайнего справа монгола, заставив остановить движение с громким криком.

Полуобернувшись в сторону опасности, он получил новую стрелу в раскрытый рот и окончательно потерял силы к сопротивлению.

Воспользовавшись благоприятной ситуацией, мы с отцом кинулись в атаку. Краем глаза я увидел, как из дыма на поле боя врывается окровавленный и прокопченный Ждан, вне себя от ярости, через край, криком бьющей из молодого тела.

Сшиблись громко. С лязгом и хрустом. К чести противника, кочевники, даже потеряв одного из своих соратников, не позволили застать себя врасплох, принимая атаку на сабли и копья.

Мелькали руки, сыпая удары на незащищенное тело. Клинки рассекали воздух, сшибаясь друг с другом, периодически находя бреши в защите, окропляя горячее, снежное месиво кровью и потом.

В горячке помню все эпизодично. Несколько раз меня несерьезно ранили. Одному из монголов я прямо сквозь доспех проткнул копьем пузо и, когда мое оружие окончательно застряло в недрах его исковерканного тела, вооружившись его саблей, продолжил бой. Осел

Ждан, серьезно раненный в ногу, но не потерявший воли к сопротивлению. Вокруг Ульва лежали уже два изрубленных тела, прекративших жизнь.

Осознав, что в открытом бою нас не переждать, остатки отряда кинулись в сторону коней, видимо стремясь поскорее вооружиться короткими луками, но путь к отступлению им преградил задыхающийся от боли Ярослав.

Короткой сшибки хватило, чтобы остатки отряда захватчиков легли наземь, без сил подняться. Но лег и Ярослав. Ульв успел подхватить оседающее тело могучего товарища и наскоро обтереть запекшиеся кровью губы:

– Где мои, Ярослав? – спросил его Ульв, в надежде получить хоть какую то информацию от умиравшего.

За отца ответил Ждан, только что подошедший к нам из-за серьезной раны в бедре:

– Варвара и Пелагея пленены. Уволокли на арканах. Младшие братья и сестры мои в огне. Твои младшие тоже, – совершенно безэмоционально выдал информацию Ждан, будто бы рассказывал о само собой разумеющихся событиях, – мамка моя пыталась сопротивляться. Изрубили. Что происходит, Гамаюн? Кто они?

– Не время объясняться, Ждан, – Ульв, окончательно убедившись в смерти Ярослава, скрипнув зубами, встал в полный рост, поудобнее перехватив привычный, обоюдоострый меч павшего товарища, – нужно отходить...

Договорить ему не дали. Дробный стук копыт и мощное, сильное «Кху! Кху Кху!» разнеслось по улице, знаменуя появление целого отряда.

Молодой татарский юноша, в развевающемся плаще, привстав на стремях и легко держа на весу окровавленную, кривую саблю вел вперед свой отряд, стремясь окончательно подавить сопротивление в Дормисловой Поляне.

Хорошо вооруженные монголы свиты стремились незаметно уgomонить пыл юноши, стараясь при этом не задеть его самолюбия. Было видно, как некоторые воины периодически вырывались вперед, неизменно выбирая позицию, чтобы уберечь своего молодого командира от шальной стрелы.

Все, как один были рослы и сильны, восседая на конях рыжей масти и создавали впечатление самой настоящей элиты

– Иди к дороге, – легко толкнул меня в плечо Ульв, – Если старик – Один сегодня не призовет меня в Вальхаллу, то увидимся у перекрестка! Возле древнего идола Перуна заляг в снег и не высывайся!

– Но ты, но Ждан... – хотел было снова возразить я, но в разговор вмешался мой старый, добрый товарищ:

– Я не жилец, Торопка. Убежать не смогу. Пусть хоть кто-то отомстит за непотребство, творящееся здесь. Саблю свою отдай, моя затупилась и ступай! Иди же, ну! – не дожидаясь ответа, Ждан зашагал под укрытие плетня.

Более не обращая на меня никакого внимания, отец притаился за углом пылающей избы и, притянув за собой Ждана, стал выжидать нападения.

Вняв уговорам, я что было сил, не выпуская сабли из рук, ринулся сквозь зыбкие сугробы по направлению к густой, березовой опушке окраины.

Только тот, кто рос в Дормисловой Поляне, мог уверенно ориентироваться в окружающем лесу. Тайные, еле приметные тропки вывели меня промеж никогда не замерзающих болот к заветной дороге, вдоль которой я пошел, тяжело протаптывая себе дорогу в прилегающем березняке.

Иного варианта не было – живой змеей, в ржании тысяч коней и верблюдов, в бряцанье металла о металл и скрипе колес огромных арб, невиданная ранее сила вливалась в Русь, предвещающая грозные времена.

Казалось, монголам не было числа, словно целый народ, забрав с собой женщин и детей, пустился в путь по воле полководца, желая, во что бы то ни стало найти новые места для обитания.

Из-за отсутствия листвы время от времени кто-либо из воинов замечал меня и пускал стрелу, но из-за большого расстояния и множества препятствий попасть в меня не получалось. Других действий враг не принимал, всецело поглощенный проблемой скорого передвижения.

Это уже потом, столкнувшись с обычаями и тактикой монголов, более подробно анализируя подробности вторжения, я понял, что к счастью своему застал один из многочисленных обозов, воины которого не были заинтересованы в долгой охоте. Основная часть Орды, пользуясь зимним временем, уже давно стремительно неслась по направлению к городам и селам, используя для передвижения мало-мальски пригодные дороги и промерзшие русла рек.

Угрюмый, потемневший от времени истукан, своей округленной главою меж вершин деревьев, верно указал мне место, где отец просил меня остановиться.

Тревожное ожидание Ульва у перекрестка казалось вечностью. Несколько часов я лежал, сохраняя неподвижность, в колючем снегу, практически не чувствуя холода от переполнявших меня эмоций, максимально закопавшись в сугроб.

Я, как и древний идол на перекрестке, невидящими глазами, грустно взирал, как беспрерывной рекой в сторону стольного, сильного города Рязани, заснеженными дорогами неисчислимый враг стремительно гнал своих коней.

В голове сотнями роились образы и мысли о судьбах дорогих людей. По-прежнему не верилось, что мои маленькие брат и сестра мертвы. Подобное стечение обстоятельств казалось абсурдом, настолько мирная, спокойная жизнь в Дормисловой Поляне контрастировала со столпами дыма, восходящими к небу.

Где мама? Где Варвара? Смог ли Ульв уйти от монголов или пал в драке? Подобные вопросы безбожно выедали мою веру в счастливый исход сегодняшнего дня, вынуждая впервые в жизни истово молиться всем известным Богам о спасении дорогих людей.

Не знаю, слышал ли меня в эти минуты Бог, но совершенно естественным образом, мои молитвы сменили фон и я, естественным образом стал обращаться к смутному, не проглядываемому образу космического масштаба.

Только молитва уберегала меня от череды опрометчивых решений, диктуемых одним великим желанием отомстить, кинувшись на сабли врага.

Воображаемый, успокаивающий образ Бога был безлик, не относился ни к одной из известных мне религий, а посему казался чистым и правильным... казался настоящим, зарождая во мне зерно мировоззрения, определившего дальнейшие убеждения и взгляды на жизнь.

Ночь мириадами звезд усыпала ясное небо, порождая самую настоящую стужу, исходящую из земли. С темнотой передвижение великого войска, наконец-то завершилось.

Далекий шум и гомон голосов, верно, подсказывали мне, что один из многочисленных отрядов избрал местом своей ночевки широкие поляны неподалеку. Возможно, кто-то из захватчиков грел руки в кострах Дормисловой Поляны.

Если бы не магический шепот, я бы не избежал обморожений. Духовные силы чахли с каждым часом, а ожидание отца превращалось в добровольное умерщвление.

Тем не менее надежда на его возвращения не оставляла меня до последнего мига.

Когда отчаяние и холод окончательно доконали меня, и я решил идти дальше, окровавленный и вымотанный до предела Ульв, бесшумно появившись за спиной, прижал меня к земле, зажимая рот:

– Тихо, тихо, Торопка! Я это!

От перстов отца нестерпимо пахло гарью и кровью.

– Ты один? – спросил я его, едва стальные пальцы разжали мне рот. Помню, как я, боясь повернуться, весь сжался в ожидании ответа.

– Да, – приговором прозвучали слова отца.

– Ждана убили? – спросил я, чувствуя, как сердце замирает в ноющей груди.

– Да. Тела детей не нашел. Невозможно. Все полыхает. Мельком видел Варвару и жену. Живы, но для Пелагеи пленение равнозначно смерти. Она к себе никого не подпустит. Монгол, грабивший избу, невольно волчью шкуру сберег, выволочив из дому. На вот, обогрейся.

Сверху, прикрывая от ветра, мне на плечи упала седая шкура волка-людоеда, из которой отец, погрязший в заботах, так и не сделал накидку.

Горячая капля лизнула мне щеку, выдавая истинные эмоции отца, которые он силился замаскировать в надетой маске безразличия. Сам того не замечая, старый варяг ронял на снег горячие слезы, давно уже забыв какова их солоноватая горечь на вкус.

– Ну что разлежся? – вовремя спохватился Ульв, растирая снегом раскрасневшееся лицо, – враг, в основном прямо и вправо пошел. Нам же влево идти треба. Дорога обходная, старая, давно нежитью, да разбойниками облюбованная. Долго ли, коротко, но ведет к Рязани, хоть и крюк делает огромный. Наше дело вперед врага поспеть, да через лес к столице выйти. Вставай, сын! Тебе понадобится вся твоя выносливость!

– А как же мама? – наивно спросил я его, в душе надеясь, что мы непременно отобьем из монгольского полона дорогого человека.

– Считай, что ее больше нет. Вперед! – не дал моим эмоциям взять верх над головой Ульв и, первым перебежав перекресток, кинулся в заснеженные пространства чащи, увлекая за собой.

Глава 5. Из огня да в полымя

Как опытный, сильный волк мой отец, избегая открытых пространств заросшего тракта, прокладывал дорогу в глубоких сугробах бездорожья, отлично ориентируясь на местности. Спустя пару часов утомительного бега, не смотря на звериную силу, его напор постепенно слаб, уступая место потной усталости невероятного перехода.

На коротком привале Ульв успел поведать особенности последней схватки и гибели Ждана:

– Помнишь молодого татарина, что на рыжем коне несся? – спросил меня отец, опираясь на упавшую лесину.

– Помню.

– Запомни его. Его подчинённые величали его Урянгутаи. Насколько я понял – он сын важного военачальника Ордынского. Он Ждана и утомил. Я не в силах был ему помочь. Меня теснили сразу семеро. Но хуже всего было то, что этот молодой холуй, сам не прост и является носителем тайного знания. Он ловко парировал мои... необычные атаки и также легко шептал в ответ на своем наречии.

– Хорошо, отец. Я запомню.

– И помни сын. Мечь освобождает душу. Вера твоей матери призывает простить обидчика, но нет! Нет! Только его кровь на твоих руках восстановит справедливость в этом мире. Мы не звали его убивать и резать наших друзей, наших женщин, нашу родню... Во что бы то ни стало, Торопка, призови его к ответу, ибо я не смог, – тяжело вздохнув, раздосадованный Ульв легко перемахнул опавший ствол, продолжив пробивать дорогу в нескончаемой пелене глубоких сугробов.

Несколько раз я изъявлял желание встать на его место, но встречал лишь разъяренный, упертый взгляд варяга, вышедшего на тропу войны.

Признаться честно, я и сам не ведал, насколько реальным может быть мое желание идти первым, так как, даже учитывая то, что я испытывал много меньшие страдания, продвигаясь по проторенной тропе, за спиной отца, многочасовой бег по пересеченной, зимней местности стал сказываться и на моей выносливости, стремительно иссушая силы.

Несколько раз нам приходилось останавливаться и падать в снег, опасаясь быть застигнутыми вражескими дозорами и многочисленными отрядами, патрулировавшими подходы к неукрепленным, кочевым лагерям.

Это поражало и удивляло, ведь даже далеко не все местные ведали все хитрые сплетения и ответвления обходного пути. Военачальники Орды, на удивление отлично ориентируясь на местности, вели свои полчища любой мало-мальски пригодной дорогой, а выносливые, монгольские кони, не ведая усталости, несли своих грозных хозяев к стольным стенам Рязани.

Заунывные, степные песни неслись над притихшими лесами, которые словно тревожно вслушивались в небывалый говор нежеланных гостей.

Даже потусторонние существа, попадавшие нам по дороге, были взволнованы и напуганы неожиданными изменениями. Редкие лешие, прикованные к месту собственной смерти, белыми бельмами глаз смотрели нам вслед, удрученно качая головами, будто даже духи лесов, давно перешедшие за грань смерти, сочувствовали живым в их предстоящих трудах. Большинство из них при жизни были русскими мужчинами и поэтому испытывали истовое волнение, наблюдая после смерти небывалое нашествие на Русь.

Нам удалось уйти от ордынских разъездов, но не удалось уйти от своих соотечественников... поляна, через которую Ульв избрал свой путь, неожиданно померкла перед глазами, покрывшись серой рябью наведенного морока.

Опытный ведун, находясь в предельном значении усталости, не смог вовремя разглядеть подвох и поэтому мы буквально ввалились в небольшой лагерь разбойников, разбитый между вековыми, дубовыми стволами.

Об этой банде знал каждый житель Рязанских окраин. Лихой предводитель их, прозвищем Соловей, давно был под подозрением во владении тайными знаниями, обращенными во вред торговым людям и на погибель собственным землякам.

Материализовавшимися ночными кошмарами мирных земледельцев и купцов, этот отряд атаковал караваны и деревни, стремительно выходя из под покрова ночи.

Сделав свое черное дело отряд, по тайному свисту предводителя, из-за которого он и получил свое необычное прозвище, скрывался под покровительством тьмы, забирая награбленное с собой.

Неожиданные появления и исчезновения бандитов были настолько хорошо организованы, что княжеские дружинники, посланные на их поиск, не раз свидетельствовали, что спины бегущих врагом исчезали буквально у них на глазах в дрожащем мареве воздуха.

У Ульва имелись давние, личные счеты с Соловьем, орудовавшим на просторах Рязанского княжества очень долгое время. Поначалу его интерес ограничивался только обязанностями воеводы, но впоследствии, когда один из людей Соловья оставил на моем лице несмываемую печать шрама, его желание отомстить обрело совершенно иные, личные оттенки.

Лагерь разбойника был готов к длительной зимовке – добротные землянки, поставленные здесь много лет назад, ясно говорили нам о том, что перевалочная стоянка отряда периодически использовалась для того, чтобы отдохнуть от насущных дел и ослабить бдительность витязей, рыскающих по округе.

Человек тридцать мужчин, крайне потрепанного вида занимались бытовыми, житейскими делами, совершенно не ожидая визита гостей. Кто-то разделявал свежепойманную добычу, в большом, чугунном котле варганя пищу на всю ватагу, кто-то вострил оружие, кто-то просто дремал, сморенный жаром костра, дым от которого прекращал существовать на границах невидимой сферы, выставленной опытным предводителем.

Мы могли уйти, но нас выдала ветка, предательски хрустнувшая под дрожащей ногой Ульва:

– Тревога, мужики! – завизжал краснолицый, безбородый, тучный мужчина – повар, указывая дрожащим пальцем в нашу сторону, – бродяги!

Крик всколыхнул опытную ватагу, готовую к бою. Схватив все, что могло представлять и себя хоть какое-либо вооружение, грязные разбойники приготовились к бою, до конца не разобравшись в уровне угрозы, исходящей от нас.

Это замешательство нас и спасло от сиюминутной расправы, позволив заспанному, сонному соловью выйти из низкой двери центральной землянки.

На вид, этому человеку было лет пятьдесят от роду. Точнее трудно было определить дату его рождения, ибо лицо имело неопрятный, землистый оттенок давно немойтой кожи.

Было видно, что атаман разбойников не часто чистил и волосы, которые навек застыли причудливыми, коричневыми сосульками, обрамляющими, вместе с бородою, его толстое, азиатского типа лицо.

Ни смотря на телесную неопрятность, одет он был в дорогую, соболиную шубу до пят и вычурно увешан множеством золотых и серебряных украшений, гремевших при каждом шаге старого бандита.

Завершением карикатурному образу служила самая настоящая корона, небрежно надетая на копну спутанных волос.

Быстро оценив ситуацию, Соловей коротко свистнул, остерегая своих подчиненных от немедленной атаки. Вместо этого, прокашлявшись, главарь ватаги заговорил сиплым, сдавленным голосом человека, не привыкшего к длинным речам:

– Гости, значит. Да еще и ведуны, али колдуны какие. Мой морок простой человек не прошел бы – уткнулся бы носом, да в трех соснах заплутал. Да и лешие окрестные не донесли, вас боялись, посему отвечай, мил человек, с чем пожаловал? Что принес?

Ульв заиграл желваками, пытаясь унять, лютую злобу бурлившую внутри. Отец бы никогда не опустился до разговоров с человеком, которого поклялся убить прилюдно. Пришлось мне вступать в диалог, судорожно выискивая решение сложившейся проблемы:

– Достопочтенный Соловей! – начал я издалека, стремясь усыпить бдительность опытного атамана, – страшная беда пожаловала в земли Рязанские! Войско грозное, войско невиданное явилось на землю Русскую, чтобы предать огню и мечу каждый город, каждую деревню, полонить или обесчестить любого жителя!

– И что ты предлагаешь, малой? – спросил меня главарь разбойников, медленно склонившись над горящим костром, чтобы согреть свои озябшие, коричневые руки, полные перстней, – с оружием в руках, да моей ватагой зверю иноземному хвосты рубить?

– Нет, о светлейший! Мы с отцом вовремя поняли, что совладать с новым зверем, у разобщенной Руси нету мочи. Поэтому пришли проситься под крыло твое, чтобы нажать добра, да живыми остаться.

Одно наше присутствие вступало в противоборство с силами, окутавшими поляну. Костровой дым, прорвав полог морока, устремился ввысь, выдавая место расположения отряда. Это была слабая надежда на спасение, но именно она и сыграла свою роль.

Соловей не поверил ни единому моему слову:

– Заткнись, щенок! Чересчур испуганный вид ты имеешь, чтобы слова твои прошли проверку на прочность. Монголы, половцы – мне все едино, кому отдавать пленников за деньги. Взять их и в клеть!

Мужики рассмеялись, широким полукругом выдвигаясь по направлению к нам:

– Беги Торопка! – рявкнул на ухо отец, изготавившись к битве, с одной иноземной саблей вышагивая навстречу трем десяткам. Вернуться живым из боя старый варяг не надеялся, а посему зашептал:

*Последняя песня о взвейся над лесом!
Я путь свой прошел полный тайн и чудес,
В бою за родню, в драке праведной, честной
Прошу у Богов мощь для бранных телес.*

*Торопке для бега, а мне для удара -
Чтоб верно и точно разила рука
Желаю, чтоб таинство древнего дара
Сквозь сына несла временная река!*

*О Один! Твой взор через тучи я чую
И ярость кипит, как в молодые года!
Как волк зарычу, закричу, залютую
Вгрызаясь в чужие, мужские тела!*

Поздно Соловей осознал всю силу последнего шепота. Глаза отца засветились алым свечением предельного усилия души, вызывая к жизни все скрытые резервы организма. Безумно

зарывав, он кинулся к изумленным мужикам, первым воспользовавшись возможностью нападения.

Я не дам возможности снова осудить себя за бегство, дорогие потомки, читающие эту летопись, клятвенно заверив вас, что никуда я не побежал и не отступил. С голыми руками, слабо надеясь вырвать оружие из рук врага, я кинулся за отцом, желая в первый и последний раз прикрыть ему спину в настоящем, взрослом бою.

Ульв врубился в расстроившиеся ряды противника, сверканием сабли прокладывая себе путь сквозь чужие тела. Два разбойника, охнув, упали наземь, пытаюсь руками закрыть пропоротые кишки и тщетно вернуть их на место.

Круглый, деревянный щит, обрonnenный одним из них в снег, был немедленно подхвачен мной, как раз в тот момент, когда несколько лучников, к которым вернулось самообладание, выпустили стрелы в образовавшуюся брешь ватаги.

Три железных наконечника впились в щит, четвертая стрела больно оцарапала ногу. Невольно я собрал большинство выстрелов на себя, оберегая отца от немедленного поражения, но и тому досталось «на орехи».

Я успел заметить, как два оперенных древка вошли Ульву в грудь, но разъяренный внутренним огнем старый варяг не обратил на них никакого внимания, как будто это были не смертельные снаряды, выпущенные чуть ли не в упор, а только лишь легкие удары, которые не стоило и замечать.

Удар кулаком в челюсть, прилетевший сбоку, сотряс до основания мое естество, отбрасывая на руки других разбойников. Ловко вывернувшись из смертельных объятий, я бросил щит во врага, чувствуя, как солоноватая кровь заполняет рот, обильно сочась из прикушенного языка.

Новый удар ноги и я кубарем укатился в сугроб, запутавшись в шкуре, по дороге чувствуя, как ноги многих противников осыпают мое тело пинками, не давая возможности подняться.

Изыскивая возможность продолжения боя, я пополз к перекошенной двери ближайшей землянки, силясь под ее защитой сыскать более-менее равные условия для драки, но навалившееся сверху грузное тело повара, не дало мне шанса продвинуться вперед и на сажени. Наоборот, вместо движения, я почувствовал, как крепкие руки толстяка пытаются завернуть мои конечности за спину, дабы окончательно связать вздорную добычу.

Спасло меня явление чудное и невиданное, являющееся, впрочем, источником оплошности самого Соловья. Резкий ветер сорвал снег с замороженной земли, в поднявшемся вихре смахивая наши тела, как ненужные крошки со стола.

Звук, заполнивший уши был всесокрушающ – нестерпимый свист заполнил голову, подвергая на прочность напряженное сознание. Это атаман, оценив в отце грозного противника, попытался магическим ударом остановить его прорыв.

Тело одного из лучников, чье горло было уже вскрыто метким ударом отцовской руки, мешком сырой картошки впечаталось в низкую стену землянки, крыша которой переставала существовать буквально на глазах, отслаиваясь от порывов искусственного ветра. Я успел заметить это, кувыркаясь в воздухе, силясь всеми правдами и не правдами упасть на ноги.

Не удалось – пребольно приложившись спиной о дерево, я опал на колени, стараясь осознать – цело ли мое нутро. Закаленный организм выдержал, что нельзя было сказать про моего тучного противника – он катался по земле. В опадающем снеге было видно, как неестественно вывернута его нога, переломленная в районе голени.

Не помня себя от ярости, я поднял прилетевший сюда вместе со мной щит, холодно и точно опустив его на голову разбойнику. Потом еще. Потом еще, пока горячие, красные брызги не обожгли моих холодных щек, пока булькающее тело подо мной не потеряло воли к сопротивлению.

Победа обрадовала лишь на мгновение, ибо Ульв, издавек получив удар копьем в бок, тяжело осел в истоптанный снег, в окружении пяти или шести тел поверженных врагов, нашедших свое упокоевание у стен покосившихся землянок. Свист окончательно истребал его атакующий порыв, богато истребовав силы на сопротивление магическому свисту, однако и Соловей вложил в удар многое – его вспотевшее лицо и дрожание рук, покрытых звенящими браслетами, выдавали немалую мощь, вложенную в удар:

– Прикончите его! – завизжал Атаман, теряя прежнюю напыщенность и самообладание, – в огонь его!

Ульв зарычал, являя мешкающим противникам волю к сопротивлению и под его рык из-под сосновых, заснеженных ветвей вылетела длинная стрела с белым оперением, впившаяся в толстый бок Соловья.

– Ура! – разнеслось над поляной, на которую, блистая в морозном солнце звенящими кольчугами, кинулись несколько десятков дружинников, облаченных в алые плащи.

Бой закипел с новой силой. Ватага понимала, что путей к бегству не существует, а поэтому каждый сопротивлялся с отчаянием загнанной в угол крысы. Несколько раз свистнул и Атаман, в магическом ударе которого не оставалось значимой силы, а посему дружинники Рязани быстро срубили грузного супостата в ближнем бою.

Спустя десять минут все было кончено и отряд, потеряв двух витязей, дружно вытирал обнаженные клинки о тела поверженных бандитов. Не смотря на победу лица их, были мрачны и напряжены.

– Ульв! Сколько лет, сколько зим! – крупный, русобородый мужчина, чье лицо было покрыто шрамами, от обилия которых один из глаз был навечно скрыт полосой неверно сросшейся кожи, облокотил отца спиной о землянку, встав над ним, – а ведь долго мы тебя искали, воевода!

– Иван, друже! – слабо ответил отец, чьи глаза закрывались от усталости и ран, – забудем старые распри! Не время сейчас. Пелагею пленили.

Сказанное, сильно повлияло на рослого дружинника. Он страдальчески закрыл глаза руками, злобно зарывав.

– Не уберег ты! Воевода, не уберег! Красоту такую! Душу такую! Тварь ты! – Иван занес клинок над ослабленным отцом, но совладав с порывом, яростно вонзил его в стену возле головы варяга.

– Полно, Ваня. Не кори меня. Не трави душу. Убей, если хочешь, но любил я Пелагею никак не меньше твоего! Не виноват я, что ее сердце меня выбрало! Но будь милосерден – убереги сына.

– Сына? – переспросил предводитель дружинников, наконец-то обратив внимание на меня, замершего в снегу на холодеющем трупe врага, – этот твой?

– Мой.

– Овал лица мамин. Все остальное от тебя досталось, – усмехнулся Иван в бороду и дал распоряжение своим дружинникам, – Соловью голову рубить и с собой. Наших воинов павших похоронить по христианским обычаям не выйдет – долго рассусоливать не получится, врага рядом, что саранчи в библейских сказаниях! Они нас поймут. Коли даст Бог – вернемся за ними позже. Старого перевязать, – указал предводитель пальцем на Ульва, – а молодой вроде цел. Ну что замерли, славяне, али в Рязань хотите не успеть? Враг в полудне пути!

Подавая пример остальным, измученный лишениями и боем воевода небесного отряда первым склонился над телом поверженного витязя, как в склеп, снося его тело в покосившуюся землянку.

Глава 6. Воевода Небесного отряда

Наскоро упокоив павших, немедленно выдвинулись в дорогу. Только сейчас мне удалось разглядеть богатырей, спасших нас от неминуемого поражения.

Дружинники князя рязанского, измотанные боями и дорогой, в моих глазах представляли собой символ стойкости и тяжелого ратного подвига. Несколько дней на морозе, пеший многокилометровый переход, свои раны и запекшаяся на кольчугах чужая кровь, создавали образ непоколебимых, опытных воинов и защитников родины, на коих мне, как молодому юноше, хотелось походить, во что бы то ни стало.

Натужный кашель отца за спиной прервал мои мечты о будущих подвигах, в которых я, облаченный в блистающую кольчугу рубил сотни татар на их дикий земле ради отмщения за погибшую матушку, возлюбленную Варвару, в чьих смертях на данный момент я практически не сомневался и за загубленные души россиян.

Раны Ульва были серьезны. Боевой угар, сошедший с него, едва отряд двинулся в дорогу, выстроившись в длинную колонну один за другим, обнажил передо мной не всесильного варяга, коим мне виделся отец на протяжении всей моей жизни, а постаревшего, изнеможенного мужчину, которому остро требовалась хоть какая-то помощь.

Руководствуясь своим упертым, упрямым характером отец, как говорится, старался делать хорошую мину при плохой игре.

Уловив брошенный на него через спину взволнованный взгляд, он зрительно приободрился и оправив осанку, как ни в чем не бывало, продолжив путь. Однако отец тщетно лелеял надежду замаскировать досадный недуг, прорвавшийся кашлем из его утробы. Запекшаяся на губах кровь подсказывала мне, что опытный воин, закаленный сотнями драк, как никогда близок к встрече со своим последним, всесильным противником – смертью.

В отчаянии я шептал и шептал себе под нос складные послания, желая, во что бы то ни стало помочь Ульву в борьбе с его ранами. Я просил мир укрепить его тело, залечить грудь, налить силой припущенные плечи, лишь бы последний родной человек на этом свете и дальше навевал на меня чувство нестерпимой гордости за принадлежность к роду Самославов.

На тот момент я даже не ведал, действенны ли мои многочисленные шепотки, так как и сам я пребывал на той грани усталости, когда хотелось увалиться в истоптанный снег, впад в длительную спячку, как медведь до весны. Лишь чувство собственной гордости и истовое желание помочь Ульву превозмогало противное желание присесть во время перехода.

Окончательно потеряв счет времени и способность логически мыслить к середине ночи, я даже не понял, что Иван, выжав в переходе из своих дружинников последние силы и обнаружив посреди леса небольшое зимовье, объявил непродолжительный привал.

Уткнувшись в замороженную, пахнущую потом кольчугу впереди идущего дружинника, продолжая нашептывать отдельно взятые слова заклинаний, я упал в снег, в тяжелом, обжигающем дыхании выискивая остатки собственного естества, разбитого на тысячи осколков.

Предельная нагрузка на организм впервые явила себя во всей красе, фактически подвинув меня к самому краю помешательства. Дружинники оказались более закаленными и привычными к подобным злоключениям, а посему быстро собрав в охапку приготовленные неведомым хозяином дрова, быстро подпалили припасенную бересту, растопив в вытоптанном снегу небольшой, но жаркий костер, в который немедленно полетели свежие ветки и небольшие деревца.

Лишь озаботившись об источнике тепла, они устало побросали мечи и секиры в снег, рассаживаясь на разостланных плащах вокруг воющего на морозе пламени, в блаженстве отогревая руки его живительным теплом.

Растопили и черную печь в зимовье, отправив в более пригодные условия особо сильно раненных товарищей. Туда же, не смотря на сопротивление последнего, отправился и Ульв, цвет лица которого напомнил мне цвет свежавывающего снега.

От пережитых потрясений и от тошнотворной усталости у ночного костра не спалось. Как и в детстве мерещилось. В каждом скрипе, в каждом шорохе виделся обезображенный мертвец – повар, руками прикрывающий распластанное щитом лицо.

Иван, как истинный лидер, не стал беспокоить своих людей дозором, сам предпочитая занять ответственное место наблюдателя.

Облокотившись о меч, он темной горой стоял на самой границе неровного света, возвращаясь в круг тепла только лишь за тем, чтобы подбросить в гаснущее пламя новые поленья.

Далекое зарево подпирало горизонт, обагрывая даже полночный час в тревожные цвета заката. Враг жег все, что можно было жечь, оставляя после себя пустыню, в которой у каждого мог бы быть суровый выбор – либо быть мертвым, либо быть пленным, либо с оружием в руках противостоять многотысячной Орде.

Тяжело вздохнув, предводитель дружинников вновь вернулся к костру, обнаружив мое нежелательное, тревожное бдение:

– Не спиться? – поинтересовался он, усмехнувшись в бороду, – понимаю, понимаю... первый раз человека убил?

– Человека? – переспросил я, отрываясь от тяжких дум, – в первый, – шепнул я, сиюсь не разбудить храпящих воинов.

– Та не шепчи, не шепчи. Этих сейчас и свист Соловья не разбудил бы. Мои воины отряд особый, передовой. В нем каждый значим, каждый чтим, ни один пуд соли вместе разжевали, посему знаю я их повадки и привычки как повадки и привычки родных сыновей...

– Воевода Иван! – я приподнялся на локтях, – можно к тебе в отряд? Ты мне только меч дай. Я не подведу – взмолился я, сам не ведая на тот момент чего прошу.

– Э, нет, парень. Ты, конечно скороспел, силен и горяч, но рано тебе еще к нам. Это право заслужить нужно. Да и Ульв, как понимаю, привил тебе свое видение мира? Кто на небе?

– Бог.

– И кто этот Бог? Иисус?

– Нет, – заупрямился я под испытующим взором голубых глаз оппонента, – не Иисус. Он безлик. Он огромен и он сейчас над нашей головой, – указал я пальцем на бесконечное небо над зимовьем.

– Вот видишь, сынок! Ты не серчай, не серчай, родной, без зла я расспрашиваю. Но чтобы ко мне в дружину попасть нужно крест принять и православного Бога своим спасителем признать. От него сила. От его молитвы, особой молитвы, каждый в отряде стал мне родным братом. Что ты видишь? – спросил меня Иван, указывая на странную, выпуклую пластину на груди, закрепленную на кольцах кольчуги.

– Ангела, крылья раскинувшего, да с небес спускающегося.

– Только у меня ли такой знак, али на всех дружинниках видел?

– На всех, воевода Иван! Неспроста?

– Конечно. Этот знак и есть отличительная черта наша. Небесный отряд Рязани – дружина особая, верная, сильная. Мы врага еще в поле высмотрели, оценили угрозу, и домой поспешили, правда, в сшибках скоротечных много братьев потеряли. А потом и коней быстрых пришлось оставить, когда дороги стали перекрыты живыми потоками, посему и спешим к стенам родным, в надежде упредить врага, да князя информацией ценной снабдить.

– Воевода Иван...

– Просто дядька, – поправил он меня устав от официального обращения.

– Дядько... откуда отца знаешь?

– Мал ты еще, Торопка! Все спешешь выпросить, мчишь куда-то, сломя голову. Много будешь знать – скоро состаришься, – вновь хохотнул в бороду Иван, намереваясь вернуться на свой пост, уходя от неловкого вопроса, но меня уже было не остановить.

Мир, огромный мир вокруг обнажился во всем своем суровом великолепии. Шестнадцать лет я имел закольцованные круги общения, заключающиеся в деревенской публике и редких, пришлых торговых людях.

Мир, который раньше крутился вокруг Дормисловой Поляны и нескольких соседних деревень окраины, вокруг рассказов отца и воспоминаний матери, оказался невероятно огромен и наполнен странными, уникальными людьми, наподобие воеводы Небесного Отряда и поэтому целый перечень вопросов, рассерженным ульем, вился в моей голове.

Позабыв о своем возрасте, в котором я мнил себя взрослым мужчиной, забыв об усталости, я кинулся вслед за огромным богатырем, оглашая спящие кусты хрустом промороженного снега.

– Кто был первый враг, павший от твоей руки? Что ты чувствовал, дядя Иван? – решил выпросить я о наболевшем. К моей радости воевода и не думал скрывать и в память об этом выдающемся человеке и его дружине, я приведу в своих воспоминаниях его историю в назидание предкам:

– Давно это было, – начал воевода свою речь, – Еще до службы княжьей. Я молод был, даже моложе тебя, как пресветлый Князь Рязанский Ингвар Игоревич, зная моего именитого отца, позвал меня с собой в поход, узрев во мне ту мощь, ту звериную силу, которая отроку была совершенно не свойственна.

Я был счастлив так, насколько мог быть счастлив мальчишка, получая желаемое. Отец выдал мне меч, выделил добротного коня, полностью заковал в доспех, но был хмур и зол, приготавливая сына к новой войне.

– Отче, – спросил я его, думая, что причина его плохого настроения, кроется в скором расставании со мной, – я приеду с победой и славой! Я не подведу.

– Славой? – ответил вопросом на вопрос седеющий отец, – славу не добывают в междоусобных войнах. Ты, по молодости своей, думаешь, что идешь в поход за дело правое, но на самом деле вернешься братоубийцей! От того и грущу, что хитрый князь, не склонив мое мнение себе в угоду, смог достучаться до сердца моего взбалмошного сына, возмнившего себя вершителем судеб. Иди Иван с миром и пусть бог хранит тебя! И старайся не лить лишней крови.

Думая, что отец, пребывая в немоги, просто завидует мне – молодому и сильному, способному с оружием в руках встретить любого противника, я с чистой совестью, спустя три дня выдвинулся в путь вместе с воинством многочисленным, сильным.

Спустя неделю встретились в поле с противником – таким же сильным и многочисленным. Таким же воинством... Православным...

Рубились горячо, сшибаясь в зеленом поле, обагрив желтизну одуванчиков потоками крови. Рубились день, рубились вечер, а потом разошлись по лагерям, оставив в поле множество убитых и искореженных тел, среди которых были и смертные плоды моей руки.

Я лишил жизни ни одного – троих. Обычных мужиков, на распластаных телах которых я видел такие же кресты, которые были на мужиках подле меня. И лишь тогда я понял, что имел в виду мудрый отец, с грустью провожая меня в путь.

В ту пору я понял, что ни завоеванное золото, ни плененные женщины мне не нужны, коль дело междоусобное, пустое. С первыми невинно убиенными я поклялся, что отныне мой

удел – защита и оборона и отныне ни один правитель мира не заставит меня убивать братьев ради своих, шкурных интересов. Не смотря на покаяние кровь трех мужиков на моих руках, до сих пор мерещится мне ночами и никакая вода не способна отмыть этот призрачный покров, опутавший персты, будто невесомые перчатки иноземца.

Возвратившись с того похода, я надолго отошел от ратных дел, истово обратившись к лику Христа, ночами замаливая грехи юности и в этом рвении отец поддержал меня, позволив уйти в монастырь.

Там, в совершенстве изучив веру православную, но не найдя в душе должного смирения к дальнейшему служению, я обрел идею, что с именем истинного Бога на устах, я могу послужить Земле Русской, минуя волю князей.

Собрав под своей рукой многочисленную дружину единоверцев, разделяющих мои взгляды, я организовал Небесный Отряд, приходя на помощь князю рязанскому только в моменты истовой нужды. И каждый раз именно я выбирал, будут ли острия мечей моих братьев обращены в сторону врага по зову князя или нет, достойно ли дело пролитой крови...

Иван, оторвав от меча одну ладонь, снял с нее перчатку, демонстрируя мощную ладонь закаленного человека:

– Поэтому, Торопка, твой убиенный человек лихой. Душегуб. В его смерти нет греха, а его призрак не будет беспокоить тебя ночами. Но мои руки не отмыть никогда – даже святая вода не способна смыть эту противную пленку, видимую только мне, – воевода тяжело вздохнул и обратился к небу, обгагреному заревом, вдев обнаженную длань в перчатку, на которой я так ничего и не разглядел, как бы не силился напрячь глаза.

Воевода продолжил:

– В тяжелое время ты живешь, Гамаюн, многие жизни тебе придется изгубить в сражении за свободу Руси, но помни, сын Ульва, что одно дело, когда от твоего меча гибнут миряне, а другое, когда кровь врага льется на твой порог. Первое – смертный грех, а второе – слава и честь! А потому пора в путь. К стенам Рязанским. Небесный Отряд выполнит свое предназначение, чего бы это нам ни стоило!

С этими словами на устах Иван обратился к спящей дружине, медведем проревев на простуженный, спящий лес:

– Подъем, православные! Хватит бока отлеживать, а то на пироги не успеем! Останутся корки!

Лагерь зашевелился, подчиняясь приказу грозного начальника. Не прошло и пятнадцати минут, как длинная вереница прибодрившихся воинов, петляя меж деревьев, выдвинулась в дальнюю дорогу, намереваясь опередить быстроходного врага.

Глава 7. Смерть отца

Каждому доведется пережить смерть близких. Даже мы уйдем, мы – люди, которым посредством уникальных способностей выделена столь долгая и насыщенная жизнь, не сможем избежать главного закона Вселенной – закона обновления.

Мой отец был хорошим ведуном и воином, закаленным в сотнях испытаний и боев, но видимо его предел настал в завершающем рывке к стенам Рязани.

Передовой дружинник вынырнул из опушки леса на высокий берег реки Оки и больше выдохнул, чем выкрикнул:

– Рязань братцы! Успели...

Сбившись в кучу, опытные бойцы Небесного Отряда, со слезами на глазах встречали радостное известие о завершении трудного, тяжелого перехода.

Не все дошли до цели – несколько раненных бойцов, выйдя из зимовья неведомого охотника, еще прошли несколько километров, но, видимо, пребывание в тепле и покое окончательно подорвало желание организма к сопротивлению.

Один за другим три бойца попадали в снег, и у живых не было сил хоть как-либо помочь умирающим.

Ивану, скрипнув зубами, пришлось принять трудное решение оставить одного из братьев умирать в снегу, накрыв собственным плащом. Не стесняясь, опытный воевода утер рукавом слезы и поклонился в землю воину.

– Извини, братец – Еноха. Останемся с тобой – все погибнем.

– Полно, тебе, воевода. Понимаю. Нож оставь. Волки в эту пору голодные. В зубы им живым не дамся...

Как же был чуден великий град – Рязань! Город занимал приграничное положение с восточными народами, донимавшими его набегами, а посему оборонительные сооружения казались недостижимыми любому противнику.

С трех сторон город защищали высокие валы, на вершине которых виднелись темно-бревенчатые укрепления, образующие стены и башни невиданной доселе высоты, с четвертой стороны – крутой, обрывистый берег широкой реки.

Три кремля издалека виднелось в Рязани. Первый – великокняжеский двор, который стоял на крутом обрывистом северном холме и был окружен дополнительными рвами. С востока к великокняжескому дворцу примыкал второй кремль, в котором жила городская знать. И, наконец, сам город был укреплен вышеупомянутыми крепостными стенами.

В дополнение, искусные зодчие, желая, во что бы то ни стало защитить богатый, столичный центр, у земляного вала вырыли глубокий ров, богато утыканный кольями, чтобы враг испытывал дополнительные трудности при возможной атаке.

Соборы блистали позолоченными куполами над дымящими, трех и двух этажными теремами зажиточных людей, плавно, естественно перетекая к одноэтажным избам окраин.

Мне показалось, что именно за этими стенами отец приобретет необходимый покой, а страшное нашествие разобьется о мужество и стойкость защитников древнего города.

Теплую, радостную иллюзию разбил отряд монголов, стремительно выдвинувшийся к стенам по полю из-под прикрытия густых лесов с противоположной стороны.

Первая сотня, выстроившись в десять рядов, по десять человек гордо проскакала вдоль укреплений, встречая с вышины насмешки изготовившихся защитников. На нас они не обратили никакого внимания, видимо выполняя совершенно иную задачу, чем поиск повода для драки.

Несколько выпущенных по монгольскому отряду стрел со стены, из-за великого расстояния, эффекта не возымели и татары, развернув коней, ускакали восвояси, даже не оборачиваясь на улюлюкающих с укреплений людей.

Иван был не так радостен, как беззаботные защитники, доподлинно зная, какая сила идет к стольному городу. Он рыкнул своим дружинникам:

– Из последних сил – бегом! – и первым, увлекая за собой людей, рванул к воротам города, бренча заиндепевшей кольчугой и позвякивая мечом.

Ульв, сначала стойко кинувшийся вслед за отрядом, немного поотстал, а потом, закатив глаза, с хрипом завалился на бок, зажимая кровоточащие раны в груди.

Отчаяние поглотило меня, вынуждая задержаться возле израненного отца. Приподняв его тяжелую голову, я с волчьим воем зывал варяга к жизни, слезно упрасывая обрести сил на последний рывок. Тщетно – Ульв был в полубезумном состоянии, но на секунды в его глаза вернулась предсмертная осмысленность:

– Беги, Гамаюн! Мне не помочь. Спасибо, что шептал... Мне, правда... становилось легче...

Это лишь текст моего послания обладает четкой слаженностью черных букв, не позволяя передать интонации умирающего доподлинно. Я скорее домыслил последние слова отца, чем услышал их. Сиплый, противный хрип, вырывающийся у него из груди, перебивал привычную речь, уводя его дыхание все глубже в утробу.

Несколько раз, дернувшись, Ульв окончательно затих у меня на руках, а я, не в силах справиться с эмоциями, провожал последнего члена молей семьи на небеса, искренне веруя, что его там встретит мама, не смотря на разницу вер.

Вредный варяг, никогда бы не признался во всеуслышание, но, я уверен, с удовольствием бы променял славные чертоги Вальхаллы, на мирную встречу с женой в ангельских садах православного рая.

Дрожь отца не прекращалась, проникая в мое тело. С последним вздохом старого ведуна разряд невероятной силы пронзил мое естество, вынуждая выгнуться в направлении к свету далекого светила, встававшего на Востоке.

Охнув, я оторвался от трупа родителя, откинутый потоком силы, идущим со всех сторон в мой кристалл души.

Круговорот смеющихся лиц, крепких тел бородатых мужчин, и запах далекого моря захватил сознание, распавшись в глазах пологом трескучих образов и радужных сфер.

Лишь со смертью отца сын обретает истинную силу Рода, носителем которой он становится. Лишь со смертью и по закону обновления.

Мое замешательство прервал тяжелый удар ладонью вернувшегося Ивана:

– Встать, щенок! Встать! Не время! – заорал он, вырывая меня за шиворот в стоячее положение. Отвесив отеческого пинка, он заставил меня набрать скорость по направлению к раскрытым воротам города.

Было от чего проявлять грубость – лес ожил, выдохнув на предгородские просторы живую массу коней, людей и скрипучих повозок.

Огромное, ордынское воинство во всей красе растекалось по округе и казалось, что войнам противника нет числа.

Сразу несколько десятков коротконогих, длинношерстных лошадей врага, неся на своих крупах улюлюкающих всадников, кинулось в нашу сторону, стремясь в угоду хану захватить замешкавшихся пленников и городской люд, бегущий от берега Оки по направлению к спасительным укреплениям.

Не все успели. Не все смогли. Едва Иван и я забежали под черный полог подвратной темноты, от невидимого начальника последовала суровая команда:

– Закрывать створки! Отстающих не ждать.

Воины, опасаясь, что на плечах убегающих, в крепость легко ворвется первый отряд противника, поспешили выполнить приказ военачальника, со скрипом затворив тяжелые ворота.

Дробный стук и крики о помощи не смутили их в этот тяжелый век, когда на кону была жизнь целого города.

– Господи! Спаси и сохрани их души! – многогласно выдохнула темнота, и тут же стук за створками сменился криками отчаяния и звуками резни. Так началась осада Рязани для меня...

Едва мы вышли на свет божий из арки надворотных укреплений, как к нам на встречу поспешила богатая свита, полная знатных людей, с молодым, осанистым воином во главе.

Был воин строен, практически безбород, светел голубыми очами и приятен лицом. Князь Роман, замещая дядьку во время его отсутствия, с нескрываемой надеждой взирал на воеводу Небесной дружины, ища в нем добрых вестей:

– Иван!

– Роман Ингваревич!

Опытный воин и юный князь обменялись крепким рукопожатием, едва первый вышел из-под теневой арки ворот, где его взволнованно ожидал второй.

– Иван! Много ли Небесных воинов с тобой?

– Едва ли треть, княже! У Воронежа часть полегла, часть дорогой ушло во Владимир, после того как монголы нас по полям рассеяли. Дружина дядьки твоего, пресветлого князя Юрия пала смертью храбрых...

– Печальные ты вести, несешь в стан мой, воевода – Роман огорчился, устало прикрыв светлые глаза, – очень печальные. Много ли воинов ведет с собой хан Бату?

– Тьму...

– Тьму... – одними губами повторил князь сказанное и вдруг эмоционально вспыхнул, как феникс, перерождающийся из пепла, – Иван! Брат! Собери людей, в чистое поле выйдем навстречу врагу, не посраим имени Рязанского! Говори, что нужно? Коней? Мечей? Серебра? Все дам, лишь бы твои братья подле с моими дружинниками встали.

– Мои братья, княже, почти неделю шли пешком через леса густые, тропами нехоженными. Я обещал, что в Рязани они обретут отдых. Прости Роман Ингваревич, сердечно, но воинам своим я дам хорошую передышку и работу в обороне.

– Будь посему! – князь легко согласился на доводы воеводы и только в этот момент заметил меня, ошарашенно озирающегося по сторонам, – кто это? – спросил он Ивана, ткнув в меня холенным, белым пальцем вельможи.

– Не поверишь, княже, но это сын Ульва и Пелагеи... имя его Гамаюн. Народ зовет Торопкой.

– Где отец? Сильный был варяг, со знаниями тайными, сейчас бы очень пригодился.

– Погиб за воротами, – тихо, но достойно ответил я князю, дивясь собственному безразличию. В этот момент мне было все равно, кто стоит передо мной, пусть бы даже сам апостол Павел выспрашивал меня за жизненные грехи.

– А Пелагея?

– Исчезла в Дормисловой Поляне. Видимо тоже мертва, – за меня ответил Иван, тонко чувствуя мой настрой.

– Жаль, достойная была женщина! Ни одну минуту Иван ее добивался, да Господь по другому распорядился, отдав ее сердце иноземцу неуголному. Но то старые распри. Я не враг роду Самославов, а дядька мой погиб в бою. Считаю, что старые обиды могут быть забыты, – князь поплотнее укутался в плащ, спасаясь от продроглого ветра, потеряв к моей личности всякий интерес:

– Иван! – обратился он к воеводе Небесного Отряда, – Твоих воинов накормят и обогреют. Пусть отдыхают, сколько смогут. Место на стене выберешь согласно моим указаниям. Рад вас видеть, братья! – подвел итог Роман разговору и поспешил со своей свитой на стены, обозреть масштабы бедствия.

– Так значит, дядька Иван, вы мою маму знали? – вычленил я самое важное из речи князя.

– Знал, знал, – перебил меня воевода, – сейчас не до этого. Все за мной! Есть дом, где нас будут рады видеть всегда!

Заснеженные улицы Рязани были пусты – почти все горожане высыпали на стены, наблюдая грозную картину, разворачивающуюся за укреплениями. Лишь немощные старики, молчаливо взирающие на утомленных воинов, проходящих мимо, да редкие собаки лаяли нам вслед, чуя на моих плечах шкуру старого волка, с которой еще не выветрился запах, столь неприятный братьям нашим меньшим.

Остановившись у резных ворот, богато инкрустированных изображениями ангелов небесных, за которыми скрывался добротный, трехэтажный терем из камня и бревен (первый этаж хозяин сделал каменным и на века, но со временем, видимо испытывая потребность в расширении, выстроил над первой постройкой новые этажи)

Воевода Иван громко постучал стальным кольцом по металлической пластине, порождая глухой, металлический звон, распространившийся по ограде.

Со скрипящей неохотцей открылось небольшое, невидимое смотровое окошечко на уровне головы рослого Ивана и заспанный, хриплый голос спросил, без всякой вежливости и почета к легендарной личности:

– Кого черт, в столь страшный час по улицам носит?

– Путь на чистые небеса... – неожиданно произнес Иван, тщательно проговаривая слова.

– Лежит через грешную землю, – изменившимся голосом, полным понимания, ответили воеводе из-за ворот и тут же загремели, залязгали многочисленные засовы и запоры, запиравшие дверь.

– Милости прошу, – сгорбленный старик, не смотря на мороз, одетый в легкую, белую рубаху, с открытым, выделанным красными узорами, воротом, угодливо склонил голову, откинул руку в приветственном, пригласительном жесте.

Вторая рука, более не таясь за спиной, привычным, уверенным движением убирала огромный кинжал, в ножны, висящие на легком поясе.

– Здоров буди, славный Владимир Данилович!

– И тебе не хворать Иван Юрьевич! – старик, откинув напускную немощность, с легким хрустом расправив широкие плечи, обнажая грудь, покрытую густыми, белыми волосами. От былой, старческой слабости не осталось и следа – много ль с тобой?

– Три десятка неполных...

– Три десятка это еще по-Божески – дед Владимир истово перекрестился и добавил, – упокой души светлые воинов твоих, Господи, павших за веру православную! Ну, не стойте на пороге, проходите гости дорогие.

Долго уговаривать никого не пришлось. Вскоре, привычными маневрами многочисленный Небесный отряд скрылся во дворе, увлекая своей массой замешкавшегося меня в широкий двор, окружающий терем, с узких окон которого боязливо выглядывало многочисленное семейство старика и дворовая прислуга, преимущественно женского пола.

Пока я поднимался по каменным ступеням на первый этаж, я упустил часть разговора старика и воеводы. Когда, в хорошо освещенном помещении гостевой палаты, удобно растекшись по лавке, я чуть-чуть пришел в себя после недавних потрясений, я услышал, о чем два достойных мужа ведут речь, понимая, что мой приход в терем обсуждается ими живо, но полупшёпотом, чтобы не привлечь излишнего внимания.

– ... пусть отец и не веры православной, но мать... – о чем-то горячо настаивал Иван, осторожно взяв разозленного старика за широкий рукав его рубахи.

Владимир молчал, колко поглядывая на меня из-за густых ресниц, медленно пожевывая собственные губы за окладистой бородой, достигающей живота. Рука его при этом непривольно поглаживала рукоять длинного кинжала.

– Православная? – заметив мой встревоженный взгляд, Владимир улыбнулся, но чувствовалось, что это лишь необходимое притворство, – та мне все едино! – поспешил он резко оборвать щекотливую тему, – Ольга! – Крикнул он наверх в темноту витиеватой лестницы, – распорядись ужин подать уставшим дружинникам! Ну а вы, ребята, отдыхайте, сколько сможете. Еще неизвестно, сколько ваш отдых продлится – уже в полголоса добавил он последнюю фразу, не адресованную никому.

Дружина зашевелилась, вставая с лавок и ковров, богато покрывающих хорошо выструганный пол палаты, встречая нехитрые, но желанные яства, спускаемые сверху. Мне отдохнуть не дал Иван, ловко выхватив за руку из толпы, приближающуюся к широкому и длинному дубовому столу, стоящему в середине помещения. Он, со смехом, чтобы замаскировать свои истинные намерения увел меня в темное помещение, нырнув в незаметную дверь в одной из стен.

– Гамаюн! – обратился он ко мне со всей горячностью, которую имел в своей душе, – послушай и запомни! На стены мы выйдем все. Постоим за честь Отчизны славно и долго, уничтожив большое количество ворогов, но, поверь мне, Гамаюн, Рязань обречена!

Он со страданием посмотрел в узкое, ничем не заделанное оконце, больше похожее на бойницу и горячее дыхание воеводы инеем осело на его бороде:

– Так повелось на Руси, – продолжил он, едва мысли собрались воедино под наморщенным лбом, – что князь на князя волком смотрит, в трудный час добить норовит, а не помощь шлет в нужде, посему тщетны надежды Рязанцев на Владимирские и Черниговские полки!

Холодная пластина коснулась моих рук, и я с удивлением, в тусклом свете, льющимся со двора, разглядел в своих ладонях нагрудную пластину воеводы со знаком ордена Небесного Отряда:

– Ни мне, ни братьям моим понятия о чести не позволят уйти со своих позиций. Но ты можешь! Ибо не связан с братством ни словом, ни клятвой, да к вере Христовой не отнесен! Я знаю, что ты не уйдешь сразу, а посему стой с нами подле крепко, но когда поймешь, что силы наши иссякли, беги к сему дому. Владимир отведет тебя к ходу тайному, подземному, по которому ты, да женщины и дети выйдут к берегу реки, в погребе под избой сожженной очутившись. В том же погребе специальном сани найдете, готовые к походу, под землю заточенные, ну а дальше дело навыка и сил – под покровом темноты тихо выйдете в поле и полетите, куда глаза глядят, живые да здоровые.

– А кони?

– Коней добудете. Их не припасешь. Дело трудное, но исполнимое.

Воевода крепко сжал своими ладонями мои, да так, что острые края пластины больно впились мне под кожу:

– Во имя своей матери, поклянись мне, что ты сохранишь память о нашем братстве и пронесешь сию память через поколения. Пусть знают предки наши, насколько сильна была наша рука, насколько могуче тело и, будь добр, Гамаюн, – Расскажи людям добрым, что Иван Дикорос смыл свой позор и перед ликом смерти скинул кровавые перчатки с дланей!

– Клянусь дядька, – выдохнул я, проникаясь каждым словом опытного и закаленного мужа.

– Хорошо, малый! – воевода потрепал мои коротко стриженные волосы, полностью умиротворившись моими обещаниями, – дед Владимир все сделает и все покажет. К твоему приходу все будет готово к бегству, а пока богато ешь, мало пей, ибо монгол стремителен и опа-

сен. Не пройдет и дня, как первый приступ обрушится на стены города! – он отвернулся, порываясь вынырнуть в залу, наполненную людьми, но на секунду задержался у растворенной двери, – Ульв... – не оборачиваясь, произнес он тихо, – был отличным мужем твоей матери! Теперь вижу и верю. Ибо плод любви их, крепок и велик, стоит за моей спиной, готовый к новым бурям и вызовам. Не бросай Русь, Торопка, как бы не было худо и страшно, ибо ради этих земель отдавали жизни самые достойные люди нашей земли.

Не дав мне ничего ответить, воевода легко выпорхнул в залу, за дубовым столом посреди которой Небесные братья принимали богатую трапезу от радушного хозяина.

Глава 8. Штурм Рязани

И явилась на свет тьма. К утру следующего дня опоясав весь город при помощи рабов крепким тыном, монгольское воинство, спешившись, огромной массой поползло на стены Рязани.

Двадцать семь человек Небесного Отряда, воевода Иван и я избрали, по приказу князя заняли позицию как раз над теми воротами, через которые мы проникли в осаждаемый город.

Наша позиция на вершине стены напоминала трехпалатный терем с двух дверей, выходящих по разные стороны на пространство дубовых стен, полных людьми разного возраста и звания: были тут и дружинники, вооруженные до зубов и обученные бою, были и богатые купцы, вынувшие из закромов лучшее свое оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.